

АЛЕКСАНДР КОСТЕНКО

ИНТЕРЕСНО ДЕВКИ ПЛЯШУТ

ИЛИ ВВЕДЕНИЕ
В ПРОФЕССИЮ

Александр Костенко

**Интересно девки пляшут,
или Введение в профессию**

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2014

Костенко А.

Интересно девки пляшут, или Введение в профессию /
А. Костенко — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2014

Старинный медальон, случайно попавший в руки полковника Красной Армии весной 1945 года в одном из захваченных замков Германии, станет причиной целой цепи таинственных и необъяснимых событий, которые на протяжении почти полувека не дают покоя различным спецслужбам. Особая миссия неожиданно выпадает на долю внучки полковника, главной героини романа – капитана милиции Натальи Ростовой, которая в детстве часто играла с занятой безделушкой, привезённой дедом с фронта, даже не подозревая, как круто безобидная на вид «игрушка» в скором будущем изменит всю её жизнь. В романе неожиданно и удачно переплетаются элементы остросюжетного детектива, мистического триллера и исторического романа. Перед читателем открываются всё новые страницы истории, подчас неизвестные и таинственные. События и персонажи из далёкого прошлого по воле автора, как бы сами собой, вплетаются в круговорот казалось бы невероятных приключений и самым неожиданным образом влияют на судьбы героев романа, живущих среди нас. Главной героине романа придётся столкнуться с необъяснимыми явлениями, происходящими на одной из пограничных застав на финской границе, где Наталья Ростова служит инструктором службы собак. На месте развалин замка тамплиеров, в одном из подземелий, неожиданно обнаруживается «нечто», явно выходящее за рамки привычных явлений природы. Что искали в этих подземельях накануне Второй мировой нацисты из «Аненербе»? Куда исчезла, десантированная в 1939 году в эти места советская разведгруппа? На пути к ответам на эти вопросы героиня, с присущей ей стойкостью, столкнётся с верностью и предательством, любовью и самоотверженностью, ненавистью и жестокостью. На протяжении всего повествования древняя реликвия рыцарей-тамплиеров будет неумолимо вести свою обладательницу к развязке, продолжая оставлять за собой кровавый след и забирая у героини самых близких ей людей. Одного за другим. На этом трудном пути капитана милиции Ростову ждёт немало испытаний: лесной лагерь «чёрных копателей», духи

старинного склепа, погружения на дно Чёрного моря и останки древнего корабля, неравная схватка с крымскими искателями кладов, разгадка тайны отцовской тетради и, наконец обретение любимого человека...

© Костенко А., 2014

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2014

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	11
4	14
5	17
6	19
7	22
8	23
9	27
10	30
11	37
12	40
13	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Костенко

Интересно девки пляшут или введение в профессию

Часть первая

Чернотроп или тайна озера Лайхаярви

1

Германия, май 1945

– Иванов, совсем очумел, куда?.. – капитан Воробьёв опрометью бросился наперерез «тридцатьчетвёрке», медленно, но верно надвигающейся на кованые ворота средневекового замка. В несколько прыжков подскочив к танку и сорвав с плеча автомат, капитан с силой опустил приклад на броню. Танк дёрнулся и затих. В открывшемся люке показалась вихрастая голова командира лучшего экипажа полка Иванова Алексея.

– Слушаю, товарищ капитан!

– Куда прёшь, говорю. Не видишь, твоя машина в ворота не проходит?

– Да шут с ними, с воротами, легче выезжать будет, – танкист довольно заржал.

– Разворачивайся, вон в той низине на прикол ставь.

– Товарищ капитан, там всё простреливается со стороны леса, а тут, около замка под липами, – в самый раз. Не хочется после победы в беду попасть.

– Разворачивайся, говорю! Ишь ты, под липами! Ты посмотри, красота какая кругом. Да ты половину сада гусеницами снесёшь! Какая к чёрту беда? Не кличь её, она и не придёт.

– Ага, не придёт, – Иванов с сомнением кивнул на сгоревший «Тигр», чернеющий в той самой низине. – Вчера только из леса выполз.

– Так он с белым флагом сдаваться шёл, а ты его первым же выстрелом...

– Бережёного бог бережёт. Кто ж его, немца-окруженца, – срифмовал Иванов, – поймёт, может, подобраться ближе хотел, а потом бы как влепил мне в борт прямой наводкой. Вы второй месяц на фронте. А я...

Короче, были случаи. Да и потом, нервный я за войну стал, товарищ капитан, и домой вернуться хочу. А тряпку белую вчера – виноват, не разглядел, – с вызовом в голос ответил танкист. – Разрешите выполнять? – и, захлопнув крышку люка, исчез в утробе стальной машины.

Стальная махина Т-34, как бы поддерживая командира, тоже сначала недовольно заворчала, пару раз газанула, обдав чёрной копотью цветущие яблони, и, нехотя сдав назад, стала разворачиваться.

Легко поднявшись по мраморным ступеням замка, капитан Воробьёв столкнулся у парадных дверей с полковой разведкой.

– Всё чисто, – доложил, небрежно бросив руку к пилотке, старшина Разгуляев, по прозвищу Разгуляй. – Красота внутри необыкновенная. Можете вставать на постой.

– А вы куда теперь? – спросил Воробьёв из вежливости.

– А мы, куда Родина пошлёт. А пока приказано к восемнадцати часам вернуться в расположение полка. Так что теперь вы уж сами тут. Без нас.

Сказано это было с явной иронией и намёком на неопытность Воробьёва.

С одной стороны, капитан недолюбливал разведчиков за их вечно небрежное и возмутительно вольное отношение к начальству. Но с другой, оставаться без них, уверенных в себе, на территории, которую менее суток назад ещё занимали немцы, было страшно.

И капитан Воробьёв, придав своему лицу как можно более спокойное выражение, протянул руку:

– Ну, бывай, разведка.

Зайти в замок один он так и не решился. Теперь, когда «эмка» с разведчиками скрылась за кромкой леса, громада замка из серого камня стала казаться уж вовсе негостеприимной и враждебной. Он нерешительно потоптался перед парадными дверями и, с досады сплюнув на мраморные ступени, быстро спустился вниз к танкистам.

Известие о том, что в замке расположится штаб полка, привёз офицер связи. К вечеру прибыли связисты и командир полка гвардии полковник Лелюх собственной персоной.

О гвардии полковнике Лелюхе Иване Петровиче в полку ходили легенды. Этот невысокого роста коренастый шатен с пронзительно голубыми глазами слыл среди солдат строгим, а порою жестоким командиром. Поговаривали, что раньше, в финскую, он был неисправимым весельчаком и дамским угодником. Но после того, как пропала без вести его жена Катерина, заброшенная в тыл к финнам корректировать огонь нашей артиллерии, он сильно изменился. Стал нелюдимым и угрюмым. В его грустных глазах, казалось, навсегда поселилась печаль. Всё чаще полковник прикладывался к бутылке, явно превышая «наркомовскую» норму, что неизбежно приводило к взысканиям со стороны вышестоящего начальства. Сослуживцы с сожалением видели, что военная карьера да и сама жизнь, этого в общем-то хорошего и храброго командира неумолимо катится под гору. Но в 1944 году, ещё в Польше, сердце танкиста неожиданно для всех сразила наповал Верочка, вновь прибывшая в полк после мединститута. Около месяца все штабные гадали, как долго продлятся их отношения. Однако, к удивлению однополчан, Иван Петрович не собирался расставаться с симпатичной начальницей медсанбата. В его глазах опять появился тот радостный блеск, по которому можно точно и безошибочно определить человека, возродившегося к новой, счастливой жизни.

Вот и сейчас, расположившись на ночлег в обширном каминном зале замка, Лелюх первым делом достал из полевой сумки фотографию боевой подруги, бережно поставил её на каминную полку и огляделся. Внушительных размеров стены зала сплошь увешаны старинным оружием и портретами благородных старцев, а то и совсем ещё молодых мужчин. Одни изображены в рыцарских доспехах, другие – в мантиях, несколько бородатых вельмож в расшитых золотом камзолах. Под каждым портретом тщательно прорисованы гербы старинных родов, украшенные рыцарскими шлемами, тяжёлыми мечами, разноцветными боевыми знамёнами, а некоторые – венками из лавровых листьев. Но один большой портрет особенно притягивал взгляд. С него на полковника смотрел седоволосый старец могучего телосложения. Одет он был в чёрного цвета мантию с ослепительно белым восьмиконечным крестом на груди, поверх одеяния накинута кроваво-красная плащ, завязанный под волевым подбородком потускневшей от времени золотой тесьмой. Взгляд умных глаз устремлён вперёд, и полковнику даже показалось, что рыцарь с портрета смотрит прямо на него, и в какое-то мгновение их взгляды встретились. Лелюх тряхнул головой, отгоняя наваждение, и стал оглядываться дальше. Каминный зал полковнику понравился. Пол в помещении, выложенный мрамором, завораживал затейливой мозаикой, а огромный дубовый стол, с расставленными вокруг него стульями, напоминающими королевские троны, украшала чудесная резьба.

На душе было спокойно и радостно. Война закончилась. А вокруг цвели яблони и дурманящее пахло мирной жизнью. Запах этот пьянил и кружил голову.

Короткий вой снаряда и взрыв, отбросивший полковника к стене, слились воедино. Сразу же за окнами, забранными тяжёлыми коваными решётками, застучал пулемёт, раздалось ещё несколько взрывов, и стало тихо. Полковник тяжело поднялся и огляделся в поисках слетевшей фуражки. Снаряд, выпущенный, судя по всему, из немецкого самоходного орудия «Фердинанд», полковник узнал его по характерному звуку, влетел в окно и разорвался, угодив прямо в камин. Подняв фуражку и отряхнувшись, полковник увидел, что среди обломков камина что-то блестит. Наклонившись, Лелюх поднял с пола медальон в виде разрубленного пополам мальтийского креста на массивной золотой цепи, в звеньях которой угадывались какие-то непонятные символы.

– Товарищ полковник, – в зал влетел капитан Воробьёв в перемазанной глиной гимнастёрке, – с вами всё нормально?

– У меня-то всё в порядке. А у вас? Докладывайте, – и полковник машинально положил находку в планшет.

– «Фердинанд» недобитый из леса выполз. Сделал три выстрела, ну мы его... В общем, у леса догорает.

– Потери есть?

– Никак нет, товарищ полковник. Все, вроде, целы.

– Вроде... Вечно у тебя, Воробьёв, всё не как у людей, – махнул рукой полковник.

2

Ноябрь 1987 года

Первой мыслью, когда я, не раздеваясь, упала на кровать, было то, что в спальном помещении довольно прохладно. Хотя слово «прохладно» ни в коей мере не отражало действительности. Как, впрочем, и комната, где я завалилась на «боковую» с намерением поспать. Это помещение назвать спальней язык не поворачивался. Но на температуру воздуха мне было решительно наплевать, главное – я добралась, наконец, до кровати. Усталость действительно валила с ног. Думаю, что даже приказ о немедленном увольнении в запас не заставил бы меня пошевелить и пальцем. Однако вторая мысль, посетившая меня, когда я услышала команду «в ружьё!», подсказывала, что это далеко не так. Дело в том, что можно игнорировать всё что угодно, но только не завывание тревожной сирены – оно поднимет и мёртвого. Поэтому ничего не оставалось, как примириться с третьей мыслью о том, что вставать всё равно придётся. И побыстрее.

И вот я уже в уязике, трясусь по раздолбанной дороге к месту сработки сигнализационной системы. Машина подпрыгивает на ухабах, а я вспоминаю добрым словом своего папочку, который в «сердцах» обещал мне такую службу устроить... Словом, «два раза нырнула, два раза вынырнула – и вся служба». Но, как показала жизнь, даже самые крутые связи не помогли моему папе выполнить свои угрозы. Женщин служить на подводную лодку не брали ни под каким соусом и для меня исключения делать, конечно, не стали.

Впрочем, обо всём по порядку. История эта началась в тот самый момент, когда мои мама с папой, наругавшись, пришли наконец к консенсусу относительно того, как меня назвать. Дело в том, что при рождении мне дали очень красивое имя – Наташа. И всё бы ничего, если бы не фамилия... А она у нас была тоже красивая и старинная. Однако с моим именем сочеталась очень оригинально, не оставляя равнодушным абсолютно никого. Представьте, Наталья Ростова. А как звучит! Вот только в реальной жизни мне это вышло «боком». Да ещё каким! Если бы мои родители только знали, насколько круто их эксперименты с моим именем изменят мою жизнь! Вы, наверное, уже догадались, сколько всего я натерпелась в школе. Только совсем ленивый не «подкалывал» меня. Поначалу я плакала, жаловалась родителям и учителям, но ничего не помогало. Так продолжалось до третьего класса. И тогда я решила: всё, хватит, надо научиться постоять за себя. И активно занялась спортом: выполнила норму кандидата в мастера спорта по академической гребле, три раза была чемпионом Москвы. Только не подумайте, что внешне я долговязая или, того хуже, мускулистая дылда. Вовсе нет. При своём среднем росте я сохранила известный стандарт привлекательности, принятый во всём мире.

И вот, наконец, в восемьдесят пятом году, я стала готовиться пополнить ряды абитуриентов. Как и у большинства добропорядочных девочек из хороших и обеспеченных семей, мой выбор пал на медицинский институт. Правда, справедливости ради надо сказать, что выбор делали скорее мои родители. Я же просто уступила им, не желая втягивать себя в долгие, а главное – бесполезные препирательства с предками. Тем более папашка мой был полковником КГБ, и все споры с ним всегда заканчивались моим поражением, причём «всухую». Наконец, были собраны для приёмной комиссии все необходимые документы. Начались вступительные экзамены, которые, благодаря знаниям, полученным в средней спецшколе с преподаванием ряда предметов на испанском языке, которую я окончила, были сданы блестяще. Что может быть более волнующим и прекрасным, чем толкаться погожим июньским утром у стенда с напечатанными на нём фамилиями поступивших счастливчиков? Не знаю. Но увидев в списках свою фамилию, я вдруг передумала. И... решила пойти в армию.

Папа, как вы уже догадались, был в ярости. Он метался по квартире, как тигр в клетке. Но меня переубедить невозможно. Хотя первый курс отучиться всё-таки пришлось. И вскоре, по опять-таки папиному звонку, я получила вызов в районный военкомат, где после нескольких медкомиссий меня благополучно приписали в воздушно-десантные войска. «Как повезло, кто же не мечтал в детстве стать десантником!» – воскликните вы в восторге и будете, ох, как неправы. Во-первых, я не испытывала по этому поводу ни малейшего восторга, во-вторых, я уже считала себя достаточно взрослой, чтобы осознавать всю опасность такой романтики, и, наконец, в-третьих, я панически боялась высоты. И папа прекрасно об этом знал. Вскоре пришла повестка явиться к таким-то часам, в комнату такую-то, по адресу такому-то. Не нужно быть шибко догадливым от природы, чтобы понять зачем. Когда, дрожа от страха, я всё-таки прибыла в военкомат, никто, естественно, не посчитался с моими совершенно искренними заверениями, что я, конечно, готова отдать за Родину жизнь, но парашюту предпочла бы, например, морскую пехоту. Сами понимаете, морская романтика и всё такое. Там меня выслушали очень внимательно. Но в качестве альтернативы мгновенно предложили... вернуться в институт. Но я тоже была, как говорится, «не лыком шита» и, быстро оценив ситуацию, выбрала парашют, так как мною правила железная уверенность, что это – очередные происки моего папочки. А он, естественно, может запросто припугнуть непокорную дочурку... Но отправить в небо?.. Ни за что. Скорее всего, логика его была проста: откажется дочка от парашюта да и вернётся в институт.

Так что с ним при всём богатстве выбора другой альтернативы не было. «Ах, так, – подумала я. – Посмотрим, кто кого переиграет». И выиграла бой. Правда, на Чеховский аэродром под Москвой меня всё-таки отправили. Причём, как мне стало понятно из прозрачных намёков, не на экскурсию – а для выполнения трёх прыжков с парашютом! Это был удар ниже пояса! Но отступать было не в моих правилах. В конце концов, у меня тоже есть характер. В общем, в точно указанное в командировочном удостоверении время я прибыла в военкомат, предварительно попрощавшись с родными и близкими, правда, так и не написав завещания. И то только потому, что в то время это было как-то не модно. Всю дорогу до аэродрома я ужасно жалела себя. Однако когда через два часа автобус прибыл к месту назначения, я с облегчением поняла: сердце у моего отца не железное – в эти дни на Чеховском аэродроме проходили международные соревнования по парашютному спорту, и моё выступление не было предусмотрено регламентом...

А вскоре папа, видя, что я упёрлась, по его собственному выражению, «как ослица», плюнул и уступил.

3

Так я попала на эту, ничем не примечательную, пограничную заставу. Да ещё в самой что ни на есть неблагодарной должности – инструктора службы собак. Хотя сама напросилась. По молодости. Ведь предупреждали же меня на мандатной комиссии, что не надо соглашаться работать с собачками – пожалею... Так нет ведь, а всё этот дух противоречия, будь он неладен.

И вот теперь, глядя в лобовое стекло уазика, на которое потоками лилась грязь, летевшая из-под колёс, я – жалела. Конечно, не о том, что работаю с собаками. А у меня их целых две. Дик и Петти. Настоящая розыскная пара. И, между прочим, это – не какое-то там «средство усиления пограничного наряда», как говорят про сторожевых собак, а самостоятельная боевая единица. Само собой разумеется, вместе со мной. Так вот, а жалела я о том, что приходится уже в пятый раз за эту ночь тащиться за тридевять земель на этот чёртов первый участок. А причина «сработки», скорее всего, так и не будет найдена. Короче говоря, ни следа, ни зацепочки.

Машина вдруг резко затормозила и пошла юзом по раскисшей, как квашня, дороге. Наконец уазик остановился, и мы, усиленно делая бодрый вид, высыпали наружу. Мы – это так называемая «тревожная группа». Согласно боевому расчёту, в неё входят: начальник заставы, командир отделения сигнализации и связи, водитель и, конечно же, инструктор службы собак с розыскной собакой, а в нашем случае – с розыскной парой.

Начальник нашей заставы капитан Пустой был личностью во всех отношениях выдающейся. Высокий статный блондин с добрыми и весёлыми глазами. Всегда бодрый и общительный, душа компании, прекрасно играл на гитаре, в общем, мужик – закачаешься.

Командир отделения сигнализации и связи – сержант Лаврушин. Невысокого роста, полный, но в меру, с вьющимися непослушными рыжими волосами зануда, большой любитель поспать и вкусно покушать. И если последнее ему время от времени удавалось, то насчёт поспать вдоволь вот уже второй год не получалось. Между тем специалистом в своей области он был отличным: с электроникой и связанными с ней приборами дружил, и они отвечали ему взаимностью.

Водитель нашего боевого уазика ефрейтор по фамилии Узкий был родом из Архангельска и, как следствие этого, могучего телосложения и отменного здоровья. Он мог играючи вытащить, к примеру, безнадёжно зарывшийся в грязь уазик, а однажды на спор приподнял за багажник «Волгу» командира пограничного отряда.

Ну, о себе я рассказала уже много, а про моих собачек рассказ ещё впереди.

Да, ночка действительно была шикарной. Представьте себе морозный воздух, щедро приправленный озоном, корабельные сосны, уходящие ввысь в звёздное небо, и загадочно темнеющие вокруг скалы. Сказка! Если не вспоминать, конечно, что я не спала уже целую вечность.

Выпрыгнув из машины, я первым делом увидела... Нет, не нарушителя государственной границы. Его, судя по всему, поблизости не было. Зато присутствовал Дик, который с грозным видом и поднятой задней лапой подмывал ближайший куст, всем своим видом показывая, что с полным мочевым пузырьком о следовой работе не может быть и речи. В чём-то он был, безусловно, прав, и я, чуть поразмыслив и деликатно отойдя в сторону, к нему присоединилась. О чём впоследствии не пожалела.

Между тем Лавр, а в миру – Лаврушин Дмитрий, уже приступил к осмотру линейной части сигнализационной системы, периодически бросая на нас с Диком укоризненные взгляды. Это, видимо, означало, что пора бы заняться делом и нам. Наведя узкий луч фонаря на ребристый профиль песка контрольно-следовой полосы, я подключилась к изучению этого ужасно невезучего, с нашей точки зрения, участка. Дело в том, что указанный выше отрезок государственной границы обладал многочисленными, я бы даже сказала, врождёнными пороками, делающими его настоящей находкой для шпионов и, соответственно, сущим адом для погра-

ничников. Я не покривлю душой, если скажу, что подавляющему большинству моих товарищей по оружию уже давно не снятся родители, любимые девушки, жёны и дети – над нашими снами давно и безраздельно властвует первый участок.

Отбросив лишние мысли, сосредоточиваюсь на своей работе. Конечно, ровно настолько, насколько это возможно. Потому что производить осмотр местности бегом да ещё ночью довольно сложно, но против инструкции, как говорится, не попрёшь. Впрочем, имея некоторые навыки, замечаешь и то, что никогда в жизни не обнаружил бы днём, даже ползая на коленях. Итак, как и следовало ожидать, структура песка контрольно-следовой полосы однородна, повреждения верхнего слоя отсутствуют. Камни, сухие ветки и прочие предметы природного происхождения прихвачены к поверхности песка морозом. Значит? Правильно. В связи с последней сработкой, они нас не интересуют. Среди всех недостатков злополучного участка главный – живописное лесное озеро с довольно большим островом, соединённым с берегом деревянными мостками.

Пятнадцать минут бега по скрипучим доскам, и мы достигли острова. Но и тут, как и следовало ожидать, сигнализационная система и контрольно-следовая полоса почти в девственном состоянии. Однако это на продуваемом всеми ветрами нагромождении гранитных скал абсолютно ничего не значит. Посудите сами, сейчас температура воздуха – приблизительно семь градусов ниже нуля, при влажности девяносто восемь процентов. А КСП, как известно, насыпается из песка, который имеет отвратительную привычку пропитываться влагой. Ночью, при резком снижении температуры воздуха до минусовых значений, это приводит к замерзанию верхнего слоя песка до каменного состояния. И, как говорится, шагай по контрольно-следовой полосе, как по асфальту, – следов просто не остаётся. Такое состояние КСП называется на границе просто и без затей – «чернотропом». Так что в данных ситуациях, как вы понимаете, могут помочь только служебно-розыскные собаки.

Только не подумайте, что всё это время я сижу на прохладном камушке и сочиняю лекцию начинающим шпионам. На самом деле, пока эти, как, впрочем, и множество других мыслей, вихрем проносятся в моей голове, я успеваю заметить, как Петти подозрительно резво метнулась к оконечности острова, выходящей к границе. Мы с Диком рванули следом, так как сомнений не оставалось – она взяла след. Вот тут-то, подумаете вы, и начнётся захватывающая дух погоня. Ничуть не бывало. Уже через какие-нибудь двадцать минут мы, облазив остров вдоль и поперёк, стояли у самой кромки воды и тупо смотрели на волны. Судя по всему, у нарушителя, оставившего запаховый след, не было в планах встречаться с нами и, как я подозреваю, в особенности с Диком. Этот замечательный пёсик явно соответствовал своему прозвищу «пилорама», прочно укрепившемуся за ним после того, как он однажды чуть не сожрал начальника заставы.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я. – По какой причине сработала сигнализационная система? Причина на острове – это очевидно, но где?

В том, что Петти взяла именно человеческий след, а не звериный, – я не сомневалась. Вплывь нарушителя, что ли, ушли? Но до берега больше километра, да и ноябрь в этих широтах к купанию абсолютно не располагает.

Но тут мои размышления прерывает чьё-то хриплое дыхание. Оборачиваюсь и, конечно же, вижу Лаврушина, который задаёт самый идиотский вопрос, какой только можно придумать: куда мы, видите ли, запропастились. Посылаю его к чёрту и понимаю, что нить размышлений потеряна безвозвратно.

– Придётся обыскать остров ещё раз, – говорю я Лавру.

Что мы и делаем, я – с остервенением, а Лаврушин – с некоторой ленцой, свойственной, впрочем, ему во всём. И опять – ничего. Но, как известно, отрицательный результат – тоже результат. Хотя я очень подозреваю, что убедить в этом вышестоящее начальство будет совсем

непросто. А ещё через пять минут становится совершенно очевидно, что делать нам на острове больше нечего.

И мы с понурым видом докладываем о нашей очередной неудаче начальнику заставы. Точнее, докладываю, конечно, я. А Лавр, Дик и Петти стоят, высунув языки и, что называется, «едят» глазами начальство.

4

– Ну-с, товарищи пограничники, докладывайте. Что мы имеем на сегодняшний день? – спросил начальник, когда мы собрались у него в кабинете, почему-то именуемом «канцелярией».

– За последние три недели, как только КСП стала неэффективной, мы имеем около ста двадцати сработок сигнализационной системы на первом участке, – начала я бодрым голосом, – как минимум три из которых не технические, поскольку несут явные признаки нарушения инженерного рубежа государственной границы. Естественно, под явными признаками я имею в виду запаховый след.

– Да, надо же, как интересно! А почему тогда этот твой «запаховый» никуда не ведёт? – съязвил Лаврушин. – Обрывается и всё! Да ещё на таком удалении от границы? – непревзойдённый специалист явно нарывался на грубость. – Дальше они что, по воздуху передвигаются? Только не говори, что это водяной, леший или однорукий Хродвальд!

– Заткнись, – ласково приказал начальник. – Плохо ищите. Если нарушители оставляют запаховый след, то они просто обязаны оставить и видимый. А если последнего нет на грунте, – Пустой пожал плечами, – то это означает только одно – плохо ищите!

– В принципе, можно предположить и такой вариант. Однако мне кажется, – продолжала я решительно, – что даже обнаружение видимых следов ничего нам не даст. В первую очередь, я бы задалась главным вопросом: чего они хотят, какова цель? Тогда проще было бы нащупать их дальнейшие шаги. Впрочем, скорее всего, наших гостей интересует пока только наша система охраны этого участка. Вот они и прощупывают его.

– Но как? – изумился капитан Пустой. – Ведь участок, на котором происходят все эти чёртовы сработки, – на то и остров, что со всех сторон окружён водой. Сработать сигнализационную систему на острове... можно, но только подойдя к нему на каком-либо плавсредстве!

– Хотя, с другой стороны, куда тогда подевалось это самое плавательное средство? Утопили, что ли? Тоже может быть. Дно было бы неплохо проверить. Аквалангистов тоже нельзя сбрасывать со счетов. Чем чёрт не шутит. Непонятно только, на кой шут им понадобился этот остров? Ведь даже если необходимо перебросить через границу груз или человека, то гораздо безопаснее и проще сделать это на сухопутном участке, когда окружающая местность скрыта от посторонних глаз растительностью. А вся акватория острова как на ладони. Даже если предположить использование акваланга, то всё равно ничего не ясно. Ну сколько можно продержаться под водой? Час или максимум два? А береговая линия при сработках надёжно перекрывается заслонами. Пока понятно только одно – их интересует сам остров, – покачала я головой.

– Да, что-то тут не укладывается в привычные рамки. На кой чёрт им сдался этот кусок скалистой местности, там ведь ничего нет! – произнёс начальник заставы. – И не будем забывать, что расчётное время, необходимое пограничному наряду для преодоления расстояния от заставы до этого участка, будь он неладен, слишком мало. Нет, определённо мало, чтобы успеть слинять с острова, да ещё при таких погодных условиях. Как им это удаётся?

– Слышь, Наташка, а может, зверюшка какая по острову шастает? – обратился Лавр ко мне. – И нет никаких нарушителей из представителей рода человеческого? Следов-то на камнях не видно, на системе все нити целы, а собачки могли и обознаться, а?

– Лавр, – рассердилась я, – не строй из себя идиота! Ты что, в первый раз выехал с моими собаками по сработке? Тебе же прекрасно известно, что ни о каких ошибках не может быть и речи. Я, товарищ капитан, официально заявляю, что на острове кто-то бывает из «чужих». Могу доложить письменным рапортом.

– Ладно, не кипятись! – прикрикнул на меня начальник.

– Мне кажется, как они испаряются у нас из-под носа – всё-таки вопрос второй. Что они хотят, чего добиваются – вот главное, – глубокомысленно изрёк Лавр и почему-то тяжело вздохнул.

– Предположим, – начала я, – их задача – переправить на первом участке какой-либо груз... Если это так, то я бы на их месте поторопилась, потому что, как только ляжет снег, сделать это будет практически невозможно. Следы-то за версту будут видны. А посему сроку у них – максимум неделя.

– Правильно, – неожиданно быстро согласился Лавр, что на моей памяти было впервые. – Со снегом всё ясно. Но откуда такая уверенность, что переброску хотят осуществить именно на первом участке? Ведь этими сработками на острове неизвестные могут просто отвлекать наше внимание от другого участка. Такие фокусы нарушители выкидывают сплошь и рядом. И потом, мы даже не знаем, куда планируется осуществить переброску – от нас или к нам.

– Подведём итоги, – начальник прихлопнул на столе несуществующую муху. – В последние три недели... В общем, сплошные кто-то, где-то, как-то. Короче, мы не имеем практически ничего. Сегодня я доложу обо всех наших соображениях заместителю пограничной комендантуры по разведке подполковнику Парамонову. Ну а с островом... Пока ничего менять в нашей тактике не будем. Разве что пошарим на дне, вдруг лодчонку какую притопленную найдём. Ну, а вы сегодня в час тридцать ночи выдвигаетесь на остров с максимальным соблюдением мер маскировки. Вопросы? Тогда всем спать, хотя... Пойдите, а что это за Хродв... ну этот... как его?

– Хродвальд, а точнее Однорукий Хродвальд. Имя у викингов обозначало «власть и славу». Вы у нас, товарищ капитан, всего месяц и, наверное, не знаете, а между тем это, можно сказать, – изюминка нашей заставы. Как говорится, предание старины далёкой... – неторопливо начал Лавр, явно смакуя каждое слово.

– Недалёкой старины, а глубокой, – поправила я.

– Какая шут разница. Суть дела от этого не меняется. Есть тут у нас одна гать, ну дорога такая, из бревенчатых надолбов через топи. Кстати, совсем недалеко от озера – метров двести, не больше. Так вот, местные жители утверждают, что в незапамятные времена...

– Постой, какие местные? Тут и местных-то никаких нет, – не понял Пустой.

– Не знаю, мне лично старший прапорщик Глаголев рассказал. Короче говоря, в незапамятные времена любил охотиться в этих местах один довольно могущественный по тем временам мужик. Звали его, как я уже говорил, Однорукий Хродвальд. Руку он потерял в одном из многочисленных походов на славянские и другие земли, но и с одной рукой стоил целой дружины. И вот как-то приехал он в эти места на охоту вместе со своей молодой и красивой супругой по имени Хульда, имя это, по различным источникам, обозначает «тайна» или «дельфийская дева», – не упустил возможности блеснуть эрудицией Лаврушин. – Уж не знаю, как там всё получилось, история об этом умалчивает. Только потерялась она. Если быть совсем точным, поехала верхом через эту самую гать да и сгинула. Может, лошадь оступилась или ещё чего, а болота там жуть какие. В общем, искали её долго, но не нашли. Вернулся Хродвальд домой, помаялся годик и приказал выстроить замок рядом с этой самой гатью. Кстати, развалины замка сохранились до сих пор, как-нибудь на днях покажем вам, товарищ капитан. Значит, построил замок и переехал туда жить, причём в полном одиночестве. Появлялся на людях редко, но всегда в белом плаще с мальтийской звездой и красным подбоем, и ещё говорят, что он никогда не расставался со своим мечом. Рассказывают, что каждую ночь сгинувшая в топях супруга приходила к нему в замок. Ну не она конечно, а её дух. И они по ночам вместе плавали на ладье по озеру, любили подолгу сидеть на острове с зажжённым факелом. Многие крестьяне из окрестных деревень видели на острове свет. Ну и приписывали его факелам Хродвальда. Сами понимаете, средневековые предрассудки.

– Слушай, Лаврушин, а можно без лирики? Давай суть дела, – не выдержал начальник.

– Конечно, но тогда вы не услышите самое интересное. Так вот, скоро этой идиллии пришёл конец. Кто-то из родственников или близких друзей викинга заказал. По преданию, убийца выстрелил в Хродвальда из лука, но любовь его жены была так сильна, что её бестелесный дух задержал стрелу. Рыцарь разделался с врагами, но стал осторожнее и больше не плавал на остров. Однако каждую ночь вместе с обожаемой супругой Хульдой чудесным образом оказывался на острове, а с рассветом рыцарь опять появлялся в замке.

– Димон, – нетактично влезла я, видя, что мои красноречивые взгляды на часы и закатывание глаз не оказывают на оратора никакого действия, – нельзя ли покороче? Очень спать хочется.

– Я уже заканчиваю. Фу ты чёрт, сбила меня с мысли. Так вот, счастье, как вы знаете, не может длиться вечно, и однажды ночью она не пришла. Прождав Хульду до рассвета, Хродвальд взял факел, надел свой любимый белый плащ со звездой, меч и сам отправился на гать искать любимую. И сгинул вслед за женой. С тех пор в какие-то определённые ночи однорукий викинг выходит из болот на гать и с факелом в руках зовёт свою возлюбленную. И если кто-нибудь встретится ему на пути, то тоже сгинет в топах. Кстати, поговаривают, что в замке зарыты несметные сокровища. Я, конечно, в это не верю, но вот некоторые наши товарищи, – тут Лавр бросил в мою сторону ехидный взгляд, – утверждают, что видели нечто странное в тех местах. Но вообще-то, мы стараемся туда не ходить.

– Бойтесь, что ли? – усмехнулся начальник. – И много таких мест на нашей заставе, куда пограничники не ходят?

– Да везде мы ходим, – пояснила я. – Димка просто неправильно выразился. А стараемся туда без надобности не ходить, совсем по другой причине.

– ...???

– Мин там много осталось с войны, толком так и не разминировали. Здесь ведь проходил второй рубеж линии Маннергейма.

Металлоискатель пищит куда ни ткни, – проговорила я нехотя. – И ещё... говорить о том месте у нас на заставе без необходимости не принято. Дело в том, что совсем недалеко от развалин замка в конце пятидесятых стояло старое здание нашей заставы. И однажды ночью какие-то психи с той стороны вырезали всех пограничников. Спящих, шомполом в ухо... Заставу потом построили на новом месте, а та, мёртвая, так и осталась стоять.

– Посмотрим, посмотрим, – пробормотал Пустой.

– Напрасно вы так, товарищ капитан, там действительно мин полно, – попытался реабилитироваться Лаврушин. – Вон лося зимой как раз там миной и накрыло. Не верите – спросите кого угодно.

– Да верю я, верю, – сказал Пустой и зевнул. – Занятная история, нужно будет обязательно посмотреть на месте. Но спать действительно пора, давайте-ка закругляться.

Выйдя от начальника, я взглянула на часы и обомлела – было уже семь часов утра. Пора было кормить моих волкодавов да и самой малость подкрепиться перед тем, как отойти ко сну.

5

Около часа ночи, тщательно проверив снаряжение и оружие, мы отправились, как у нас говорят, тащить службу. У Лавра было на редкость хорошее настроение, хотя ночка нам предстояла та ещё. Но я-то знала, чем он так доволен. Дело в том, что он сегодня получил из дома объёмную посылку, о содержании которой не нужно было долго гадать. В принципе, достаточно было взглянуть на его довольную рожу. Забыла вам сказать, что единственным по-настоящему сильным увлечением нашего доблестного специалиста по сигнализации и связи было вовсе не розыск и поимка опасных нарушителей границы, а поедание сгущёнки. Причём в таких количествах, что любой другой человек давно засахарился бы изнутри, но только не Лавр. Что характерно, сам Лаврушин всяческие подколы на эту тему воспринимал вполне дружелюбно. Правда всякий раз заявляя, что ест сгущёнку исключительно потому, что она хорошо успокаивает его, Лаврушина, нервную систему.

Скрытность передвижения нам не совсем удалась, а проще говоря, не удалась вовсе. Конечно, я и раньше подозревала, что Дик способен на разного рода пакости по отношению ко мне. Но чтобы вот так – взять и просто смыться, да ещё во время выполнения особо важного задания – это, согласитесь, просто паскудство. Короче говоря, Дик с громким лаем скрылся в лесу. Видимо, решил на досуге погонять зайцев. Ну а мне пришлось битых полчаса свистеть, орать, топтать ногами и размахивать руками, прорываясь сквозь хитросплетения ёлок и палок. Вы, наверное, не представляете себе, что такое бег в кромешной тьме через бурелом. Это, поверьте мне, запоминается надолго. Представьте себе, что бежите и вдруг обнаруживаете, что под ногами у вас нет больше тверди земной. Только что была и вдруг пропала. Вы на мгновение зависаете в воздухе и тут же стремительно летите вниз, подчиняясь закону земного тяготения. При этом вам кажется, что полёт длится целую вечность и, по самым скромным подсчётам, близок центр Земли. В этот момент происходит соприкосновение с чем-то твёрдым и холодным, несмотря на то что, по вашим представлениям, основанным на школьной программе, в центре Земли всё просто обязано находиться в расплавленном состоянии. Вы начинаете догадываться, что это – самый обыкновенный булыжник на дне самой обычной воронки, и, чертыхаясь, пробуете подняться. Однако тут же ощущаете ужасный удар по затылку. Понимая, что шансов выжить практически нет, вы хватаетесь за голову и незамедлительно получаете ещё один сокрушительный удар. В свете искр, которые сыплются у вас из глаз, видите, что действительно валяетесь на дне огромной воронки, а то, что не слишком любезно опустилось вам на голову... – не что иное, как ваш собственный автомат и ваша собственная радиостанция, которые всё время до падения мирно покоились у вас за спиной. Понимая, что чудом остались живы, вы спешите покинуть столь немилое вашему сердцу место. Что вам и удаётся примерно через четверть часа. А потом всё вышеизложенное повторяется с подозрительной периодичностью в десять-пятнадцать минут, и единственным вашим желанием становится найти этого негодного пса и размозжить ему голову. Но когда ваш пёс наконец откликается и бежит вам навстречу, демонстрируя полное послушание и покорность, когда наконец вы видите в этих преданных собачьих глазах готовность понести заслуженное наказание, то ограничиваетесь лишь крепким пинком. После чего ваш пёс начинает строить из себя оскорблённую невинность. А ещё через десять минут, глядя в эти честные собачьи глаза, вы раскаиваетесь в своей жестокости и делаете первый шаг к примирению. И тут вдруг обнаруживаете, что где-то поселяли компас, а ночь, как назло, темнее не придумаешь и на небе ни одной звёздочки. И вами снова овладевает приступ ярости...

Кое-как сориентировавшись по редким звёздам, мы наконец выбрались на дорогу. Лавр в это время приканчивал вторую банку сгущёнки и остался глух к моим жалобам на несносного пса. Вот уж воистину – «сытый голодного не разумеет».

Устроились мы на острове, можно сказать, с комфортом. С северной стороны скальный массив острова образовывал нечто схожее с открытым сверху фортификационным сооружением. Основанием этого нагромождения каменных глыб служила довольно обширная площадка, щедро усыпанная толстым слоем сосновых иголок от стоящей здесь же огромной и разлапистой сосны. У меня даже мелькнула мысль, что сосне этой никак не меньше ста лет. С плато отлично просматривался не только весь остров, но и почти вся прибрежная полоса. Чистая и яркая луна, как нельзя кстати выплывшая наконец из-за облаков, обеспечивала прекрасную видимость, а довольно редкое в этих местах полное безветрие – отличную слышимость. Окончательно убедившись, что уж сегодня-то мимо не проскользнёт и мышшь, мы заняли наблюдательную позицию и доложили на заставу, что прибыли на место. Мой напарник принялся за третью банку сгущёнки, а я, глядя на притихшую природу и звёздное небо, раздумывала о бренности всего сущего.

Из состояния полного умиротворения меня вывела радиостанция, которая сначала противно зашипела, а потом заговорила чётким голосом капитана Пустого:

– Шестой, шестой, я – первый, снимайтесь. Сегодня представления не будет, – и как бы предвосхищая мой вопрос, коротко пояснил. – Две минуты назад с сопредельной территории были выпущены две сигнальные ракеты, хорошо видимые со станции Болотной, – потом помолчал и добавил. – Вас засекли...

– Вас понял, – ответил за меня Лавр и отключился.

– Да, дела. Хотя лично мне не совсем понятно, как нас могли засечь.

Ведь до границы отсюда никак не меньше километра, – ответила я на его удивлённый взгляд. – Неужели запеленговали наш первый радио сеанс? По-моему, очень маловероятно. Ты сколько времени был на связи с заставой?

– Секунд двадцать, не больше, но за это время невозможно составить треугольник ошибок и вычислить наше месторасположение. Значит, нас кто-то видел.

– Лавр, – вскипела я, – даже если кто-нибудь приблизился бы к нам на расстояние слышимости, не говоря уже о видимости, собаки моментально отреагировали бы. Ты же не будешь утверждать, что мы ломались по лесу, как «лоси по кукурузе»?

– Я своё мнение оставляю при себе, – глубокомысленно изрёк Лаврушин и отвернулся.

Всю обратную дорогу Димка молчал, а я мучительно пыталась разобраться в том, что произошло и где мы прокололись. Но чем больше я убеждалась в том, что прокола с нашей стороны не было, тем больше разрасталась пустота в груди в предчувствии какой-то неясной, но неотвратимой опасности...

6

– Ну, рассказывайте, – произнёс начальник, вяло отмахнувшись от рапорта.

– Да рассказывать особо нечего, – начала я. – Около заставы смылся Дик, пришлось пошуметь немного, но от острова это в шести километрах. Далее шли по правилам, как учили. Собаки вели себя спокойно, шарили по кустам, но никого не засекли. До острова дошли в расчётное время, замаскировались, вышли на связь... А через двадцать семь минут – сами знаете... – я не смогла скрыть досады и махнула рукой. – Не могли нас засечь, понимаете, не могли!

– Странно... Засечь, значит, вас не могли. Так?

– Так, – подтвердила я.

– А с острова нарушители тоже куда-то испаряются. Так?

– Так, – развела я руками, уже догадываясь, куда он клонит.

– И что же это, девочки и мальчики, у нас получается? – вкрадчиво спросил Пустой. – А получается то, – неожиданно громко рявкнул он, – что гнать вас надо в стройбат и меня вместе с вами!

Потом помолчал с минуту и, видимо поостыв, добавил:

– Ладно, давайте кумекать. Сколько времени вы были на связи с заставой?

– Секунд двадцать, – ответила я. – Да думали мы об этом, товарищ капитан, нереально так точно засечь радиостанцию, работающую в режиме передачи такое ничтожно малое количество времени.

– Вы лучше думайте! А то заладили, как попугаи... Невозможно засечь, говорите? А испариться с острова в считанные минуты, преодолев при этом водную преграду шириной более километра, по-вашему, возможно? Так что думайте, а то развели тут, понимаешь, детский сад. Всё сказочками меня пичкают про болота да про призраков.

– При чём тут призраки? – сразу надулся Димон. – Вы же сами просили, я и рассказал.

– Кстати, Ростова, всё хочу поинтересоваться, а что это у тебя за странный медальон такой? – спросил Пустой.

– А это, – я взяла в руку и вытащила из разреза камуфляжа тяжёленькую золотую вещицу, украшенную двумя рубинами, – дед из Германии приволок после войны. В старинном замке нашёл. Красивая вещь, жалко только как будто обрублена с одной стороны. И самое странное – как я стала его носить, сны мне часто снятся, такие занятные, всё про рыцарей. Как будто я сама переносусь в те времена, – я зажала медальон в руке, задумалась на мгновение. И вдруг меня осенило!

– Вот дура, как же я сразу не догадалась! Это же очевидно! Хродвальд как раз и имеет самое прямое отношение не только к острову, но и ко всей ситуации в целом, – энергично начала я, не обращая внимания на изумлённо глядевших на меня присутствующих, и быстро, как бы боясь забыть что-нибудь важное, продолжала:

– Помните, что сказано в легенде: «...Хродвальд стал очень осторожен после покушения на него и перестал плавать на остров на ладье, но тем не менее каждую ночь чудесным образом оказывался на острове...»? Это – первое свидетельство о таком странном перемещении человека в пространстве. Думаю, что очень удивлю вас, если скажу, что располагаю ещё одним подобным свидетельством.

– ...???

– Была в этих местах похожая история, только во времена не такие далёкие... – продолжала я уверенно вспоминать одну историю, которую любил рассказывать мне дед. Конечно, о ней я знала с детства, но никак не предполагала, что в тех рассказах речь шла именно о нашем острове. Мысль эта пришла сразу, как только Лавр ещё раз поведал нам байку про Хродвальда.

А как только вы спросили про медальон, тут-то я всё и поняла. Конечно, и раньше улавливалось что-то похожее в этих двух историях. И вот, наконец, сейчас щёлкнуло в голове и всё как будто встало на свои места. Какой всё-таки иногда я бываю непроходимой тупицей! Дело было во время финской войны. Мой дед тогда в этих местах дивизией танковой командовал. Так вот, жена его первая, как только дед на фронт уехал, пошла на курсы ОСОАВИАХИМа. Закончила их и тоже на фронт. Ну её и забросили в тыл – корректировать огонь нашей артиллерии. Точка, с которой она вела наблюдение за вражескими войсками, находилась, как утверждал дед, на каком-то острове. Он называл его «Крестовым». Из-за того, что с воздуха он напоминал крест. Остров этот был выбран очень удачно, так как его месторасположение полностью исключало риск попасть под свой же снаряд. Короче говоря, часов за восемь до наступления Красной Армии связь с разведчицей прервалась, и больше на связь она так и не вышла. Как только наши войска отбросили неприятеля, дед кинулся на этот остров, но жену не нашёл. Там, по его словам, вообще творилось нечто странное. Например, к острову вела по девственно чистому снегу только одна лыжня. Причём, что очень любопытно, люди, последние воспользовавшиеся этой лыжнёй, двигались по направлению к острову.

А вот следов кого-либо, покинувшего остров, просто не было. Как, впрочем, и следов его жены. Короче, весь остальной снег вокруг острова был нетронут. Единственное, что обнаружил дед со своими разведчиками на противоположной стороне острова, – так это девять трупов солдат. Причём явно расстрелянных своими же, потому что лежали они так, как будто перед смертью стояли в шеренгу, и что интересно – все были с оружием. Кто их расстрелял и куда потом делся, так и осталось загадкой. Создавалось впечатление, будто этот кто-то просто испарился. Дед, понятное дело, бросился допрашивать пленных, которые тоже рассказали интересные вещи. Оказывается, озеро и, соответственно, остров последние несколько месяцев перед нашим наступлением был объявлен так называемой «зоной с особым режимом пропуска». И туда, понятное дело, не пускали никого, кроме немногочисленной охраны и группы высших офицеров в составе трёх человек, причём были эти люди в нацистской форме. В общем, всё говорило о том, что объект на острове готовили к срочной эвакуации. Но по каким-то причинам до самой эвакуации дело не дошло. Охрана оказалась убитой, а дедова жена и трое этих самых немецких офицеров пропали бесследно. Теперь у меня к вам вопрос: улавливаете ли вы сходство с байкой про однорукого Хродвальда? Там и там либо на остров попадали каким-то непостижимым образом, либо испарялись с него тоже непонятно как. Я уже не говорю о том, что очертания острова нашего на карте напоминают крест. Причём не какой-нибудь, а мальтийский. Ну, а о третьем свидетельстве этого чуда напоминать не буду. Это как раз и есть наши незнакомцы, оставляющие лишь запаховый след. Конечно, если это и есть тот самый остров.

– Да... Интересная петрушка у нас получается. Единственный вывод, который напрашивается сам собой, – это наличие некоего подземного хода, соединяющего остров с берегом озера, а может, вообще выходящего на сопредельной территории или... что значительно хуже, у нас в глубоких тылах. Если это так, то это – полный... И, главное, информации у нас – кот наплакал. Всё-таки, может, ты чего упустила, Наташка? – с надеждой в голосе спросил начальник заставы.

– Ещё, вроде, дед говорил, что остров сразу после его доклада в штаб фронта взяли под охрану какие-то головорезы из НКВД. Но, вообще-то, вы, товарищ капитан, попали прямо в десятку. Дед тоже твердил про подземный ход. Хотя его разведчикам ничего похожего обнаружить не удалось. А уж нашли ли чего энкэвэдэшники, сами понимаете, не узнаешь никогда.

– Я думаю, что «спецы» из НКВД тоже ничего не нашли. Иначе при строительстве инженерного рубежа государственной границы наличие подземного хода обязательно учли бы. Если только они сами не использовали его в каких-то целях. Например, как коридор на ту сторону для заброски нелегалов. Я мыслю так: если тогда обнаружили подземный ход, то по логике

вещей должны были засыпать его. То есть, я хочу сказать: если он до сих пор существует, то либо его тогда не нашли, либо нашли и до сих пор используют.

– Да, весёленькая история. И что же нам теперь делать? Я думаю, если мы раскроем конспиративный коридор КГБ, а при этом нельзя забывать, что сами относимся к этому ведомству, то нас по головке явно не погладят. Но с другой стороны, если оставить всё как есть, а ходом пользуются враги, то нам вообще каюк, – подвёл неутешительный итог Лавр.

– Попробуем сделать следующее, – задумчиво проговорила я. – Если это – комитетский коридор, то мы ничем не навредим, а если, не дай бог, им всё-таки пользуются не наши, то им будет крайне неприятно узнать, что мы решили усилить инженерный рубеж на острове. Тем более, скоро выпадет снег, и если они не поторопятся, то для осуществления переброски им придётся ждать до следующей осени. Пока не наступит «чернотроп». Вот мы их и поторопим. Надо завезти на остров три-четыре бухты колючей проволоки и ящиков по пять изоляторов, гвоздей, ну и опорные столбы. Таким образом мы дадим им понять, что времени у них до первого снегопада практически не осталось и с переброской затягивать не стоит.

– Правильно, – поддержал меня Лавр, – ведь если предположить, что подземный ход существует и связывает наши тылы с сопредельной территорией, то остров – единственное место, где этот ход прерывается и нарушителям приходится подниматься на поверхность.

– А с чего это ты взял, что ход прерывается? – не поняла я.

– Наташа, но это же очевидно! В противном случае они не срабатывали бы сигнализационную систему, а просто преодолели бы её под землей. Мы бы и знать ничего не знали.

– Интересное предложение, я имею в виду мнимое строительство ещё одного рубежа на острове. Значит, сделаем так. Сейчас выпитесь, а часика так в три пополудни дуйте на остров и постарайтесь найти...

Даже не знаю что, но хоть что-то, что бы либо подтвердило версию о подземном ходе, либо опровергло её. Сейчас важно всё, что касается острова. Ну а со стройматериалами придётся подождать. Любой вопрос со строительством я обязан согласовывать с пограничной комендатурой.

– Но ведь строительства-то никакого не будет, это же всё – бутафория, туфта! – воскликнул Лаврушин.

– Тем более, – отрезал капитан Пустой и поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

7

Сегодня даже в солнечный и погожий день остров показался мне зловещим и негостеприимным, чего раньше я за ним не замечала. А в завываниях ветра, который, врываясь в расщелины скал, издавал дикие стоны и вопли, мне слышались стенания загубленных здесь душ.

Два часа поисков подземного хода ни к чему не привели, и, почти отчаявшись, я поднялась на то самое каменное плато, на котором мы с Димкой коротали вчерашнюю ночь. Внимательно исследуя её по периметру, я внезапно упёрлась лбом в вековую сосну, заинтересовавшую меня в прошлый раз, и даже вздрогнула от неожиданности. Подняв голову, я поняла, что это дерево – пожалуй, единственная часть острова, ещё не осмотренная нами. Конечно, глупо было бы рассчитывать, что могучее дерево имеет какое-то отношение к подземному ходу, но другого всё равно ничего не оставалось. Через несколько минут я поняла, что проникнуть пытливым глазом естествоиспытателя сквозь густую крону, нечего и думать. Тем более, начало смеркаться, видимость значительно ухудшилась и я обречённо подумала, что придётся лезть наверх. Позвав Лавра и поставив его в позу, более предназначенную для любовных утех, я проворно вскарабкалась ему на спину. И не обращая ровным счётом никакого внимания на его нытьё, прыгнула вверх, как молодая и проворная макака. Против всех ожиданий прыжок получился, и я повисла на толстой нижней ветке растущего здесь с незапамятных времён исполина. Тут-то и стало понятно как божий день, что на этом моё сходство с предком всего человечества закончилось, но прилагая огромные усилия, я всё-таки забралась на ветку под весёлое улюлюканье Димки, оставшегося внизу. Взглянув на него с высоты примерно трёх метров, я оценила всё ничтожество этой персоны, которая вместо того, чтобы вести наблюдение за местностью, подбадривала меня плоскими шутками. С досады я швырнула в него сначала подсумком с магазинами, а потом и всем остальным снаряжением. Обратив внимание на то, что он увернулся с проворством, которому позавидовала бы любая обезьяна, я пожалела, что не загнала на дерево его самого. Стараясь не смотреть вниз, я ужом продолжала подниматься, начиная сожалеть о том, что так и не прыгнула в своё время с парашютом. Мне сейчас казалось, что прыгни я тогда, от боязни высоты не осталось бы и следа...

...Сантиметр за сантиметром я продолжала подниматься, и наконец моё старание было вознаграждено. Вот уж истинно говорят: кто ищет, тот всегда найдёт. Продолжая ощупывать ветку за веткой, я поднималась всё выше, пока не обратила внимание на ржавый металлический тросик с небольшим грузиком в виде потемневшего от времени шарика на конце, торчащий прямо из толщи ветки. Аккуратно перекусив штык-ножом тонкую ржавую нитку, я кубарем скатилась прямо на Лавра, скучающего внизу.

– Вот, – заорала я, – нашла! – тормошила я ничего не понимающего Димку.

– Чего нашла?

– Димон, это тот самый остров, понимаешь?! Ты знаешь, что это такое?!? – кричала я, показывая ему свою находку. – Это антенна, от радиостанции, понимаешь, закидная антенна!

– Дай посмотреть! Точно! А почему такая короткая?

– Ну, ты телёнок, Димка! Она же выросла в дерево за столько лет. Только вот этот кусочек и остался!

– Да, интересно, а откуда она взялась?

– Как откуда? Да Катькина это антенна, как пить дать её!

– Чья, чья??? – не понял Лавр.

– Ну, Катки – первой жены моего деда. Помнишь, я рассказывала?

8

– Почему не выходили на связь? Вы что, смерти моей хотите? Я уже думал вертолёт за вами посылать! Вы что, дети малые, неразумные? – гремел на всю заставу бас капитана Пустого.

– Мы... увлеклись мы, – пытался оправдываться Лаврушин.

– Ах, увлеклись?! Вот отправлю вас в Никельский погранотряд, подолбите вечную мерзлоту, помашете киркой да лопатой в пограничном стройбате! Да ещё уволитесь после Нового года. В месяце так марте-апреле, а может, и после майских праздников! – капитан Пустой всё рисовал и рисовал картины нашего с Димкой невесёлого будущего.

Правда, я не очень прислушивалась к словам начальника, так как меня занимал гораздо больше другой вопрос. Почему Лавр, даже если учесть ту долю раздолбайства, которая присуща нам всем, не выходил на связь с заставой почти два часа? Возмущаясь в душе, я, конечно, не знала, что Димка своей оплошностью спас нам жизнь...

Стойко выдержав разнос начальника, Лавр совершенно невозмутимо отправился снимать стресс единственным действенным, как он считал, средством – сгущёнкой. Ну а я, вспомнив, что не писала домой почти целую вечность, длиною в три дня, засела на питомнике. Вдруг в углу откуда-то из-за закопчённых кастрюль и собачьих мисок противно затрещал телефон, и весёлый голос дежурного по заставе Фролова сообщил мне: «Наташка, в ружьё!» Чёрт, не успела даже надписать конверт, разве это жизнь? Нет, определённо нужно было соглашаться идти в десант! Там хоть отбой по расписанию и никакой нервотрёпки.

Заскочив на заставу за автоматом и подсумком с магазинами, я совершенно непроизвольно бросила взгляд на панель сигнализационной системы в дежурке и очень удивилась. Против всех моих ожиданий первый участок оказался здесь ни при чём. Короче говоря, суматошный и бессовестный первый участок, видимо, выдохся и передал эстафету своему соседу справа. Сосед у нас значился под номером два. Эта цифра и мигала сейчас малиновым цветом под дикое завывание тревожной сирены. Но раздумывать особо было некогда, и через несколько секунд я уже сидела в уазике, который мчался к месту сработки сигнализационной системы.

Прорыв в сторону границы был настолько очевиден, что я немало подивилась наглости этого нарушителя. Две нижние нити сигнализационной системы были перерезаны, а через КСП вёл в сторону границы чёткий и довольно глубокий след. Чтобы сориентироваться в этой незатейливой ситуации, нам с Диком потребовалась буквально секунда. Итак, нарушитель один, движется в сторону государственной границы, рост примерно метр девяносто. А здоровый «лось»! Дальше над его комплекцией и прочими характеристиками я раздумывать не стала, так как Дик, почуяв близкую добычу, буквально рыл землю и рвался в бой. Петти как раз ждала прибавления в семействе. И мы с Диком, посоветовавшись, решили её с собой не брать. Я, понятное дело, была настроена не так решительно и оптимистично, как Дик, которому, видимо, именно чувство будущего отцовства придавало силы. Короткая команда «След!», и мы устремились через бурелом. Обо всех прелестях такого времяпрепровождения я уже говорила, поэтому можете поверить, что этот бурелом от описанного выше абсолютно ничем не отличался. Пару километров я безропотно скакала за Диком, как конь, по всему пути следования легко беря барьеры из поваленных деревьев и преодолевая такие незначительные, на взгляд моего свирепого пса, препятствия, как противотанковые рвы, доверху наполненные ледяной водой. Но и этого Дик показалось мало. Ещё метров через пятьсот он свернул по следу нарушителя в сторону и, не сбавляя скорости, почесал прямо через болото. Как вы уже догадались, я незамедлительно последовала следом. Когда мы преодолели ещё пару десятков метров, а я погрузилась в зловонную болотную жижу уже до плеч, то почувствовала, что выдыхаюсь. Дик плыл впереди и шумно втягивал чёрным кожаным носом запах врага. До границы оставались

какие-нибудь несчастные метров триста, а нарушителя я ещё не наблюдала. Время шло, мои силы быстро таяли, и я поняла, что если немедленно не отделаюсь от множества железяк, навешанных на мне согласно инструкции и именуемых снаряжением, то утону точно. И никто не узнает, где могилка моя. Сказано – сделано. Под водой последовательно исчезли: радиостанция, одорологический прибор «Шершень», используемый в нормальных условиях следовой работы для отбора запахового следа, а также ФАС или «фонарь аккумуляторный следовой», и кое-что ещё по мелочи. Последним я сторяча утопила поясной ремень со штык ножом и подсумком, в котором ждали своего часа четыре магазина с патронами. Когда я опомнилась, было поздно – весь мой боезапас был потерян безвозвратно.

Наконец Дик выбрался на твёрдую землю, и пока он отряхивался, на берег выкарабкалась и я. Скорее всего, я представляла собою весёленькое зрелище. Хорошо ещё, что Лавр с Пустым, как всегда, отстали и не видели, как «героиня границы» стоит на четвереньках и жадно хватая ртом воздух, не обращая внимания на потоки стекающей с неё зловонной болотной жижи. Немного отдышавшись, я подняла голову и увидела его. Вероятно, моему сопернику тоже пришлось туго, и теперь каждый шаг давался ему с трудом. Но всё-таки давался, в то время как я не могла даже пошевелиться. Хотя ничего удивительного. Я ведь всего лишь хрупкая девушка ростом метр семьдесят три, ну а в остальном – мировой стандарт красоты. Осознав, что догнать я его не смогу ни под каким соусом, я вскинула автомат и грозным голосом рявкнула: «Стой, стрелять буду!» Однако преследуемый, видимо, останавливаться не собирался. Можно было бы, конечно, снять его первым выстрелом, но, увы, патроны мои покоились где-то в трясине, и единственная надежда оставалась на собаку...

Короткая команда: «Фас!» – и верный пёс бросился в бой. Как в замедленной съёмке, я видела, что метра за три от нарушителя Дик прыгнул, кляца ужасными клыками. Но наш соперник по буреломному пятиборью оказался не из робкого десятка. Молниеносный разворот, и вот он уже стоит лицом к Дик, летящему на него. Потом не менее резкий выброс левой руки, и мощные челюсти моего хвостатого напарника сомкнулись на ней. Как этот парень удержался на ногах, я не представляю, но то, что произошло дальше, просто ошеломило меня. Он отвёл руку в сторону и нанёс собаке сокрушительный удар ногой в пах. Дик коротко взвизгнул, разжал челюсти и откатился в сторону.

– Вот невезуха, – подумала я. – Это надо же наткнуться на психа!

По логике, этот ненормальный, воспользовавшись замешательством Дика, должен был рвануть в сторону границы, до которой, кстати, оставалось метров пять. Но не тут-то было. Он, видимо, решил разделаться с нами до конца. Медленно наклонившись, он вытащил из голенища сапога штык-нож и, как мне показалось, противно улыбнулся. Мы встретились взглядами... Вы когда-нибудь смотрели в глаза буйно помешанному, который не только без смиренной рубашки, но и ещё вооружен ножом? Нет? И не советую. Я уже было стала прикидывать дальнейший план действий, типа не стоит ли малость построить ему глазки, пока овчарка очухается. Но пёс, воспользовавшись тем, что внимание нарушителя приковано ко мне, прыгнул. Не знаю как, но Дик его свалил. Сцепившись в смертельной схватке, они катились прямо на меня, оставляя за собой широкую полосу окровавленной травы. Но я уже не волновалась, так как знала, что в «партере» справиться с моим пёсиком практически невозможно. Наконец, когда схватка гигантов достигла апогея, я отщёлкнула приклад автомата и от души вмазала им по бритому затылку нарушителя. Противоположная сторона затылка хрюкнула и затихла. С огромным трудом я оттащила собаку и, присев, закурила...

И тут, как всегда вовремя, подоспел Лавр и заботливо поинтересовался: «Чего это ты расселась?» Следом из леса, как «чёрт из табакерки», выскочил Пустой. Немного отдышавшись, начальник попросил меня поведать подробности. Внимательно выслушав, Пустой подошёл к вытянувшемуся на траве безжизненному телу и небрежным движением ноги перевернул его

лицом вверх. По тому, как стремительно поползли вверх густые брови на растерянном лице начальника заставы, я поняла, что на этот раз мыс Диком сделали что-то не то.

– Наташка, ты его застрелила?

– Да нет, хотя стоило. Патроны утопила, случайно, – на всякий случай соврала я.

– Ты хоть знаешь, кто это? – задал очередной вопрос начальник.

– Не знаю и знать не хочу! Ходят тут всякие. Никакого покоя от них нет. Вы только посмотрите, какой здоровенный, лосяра. По-вашему, надо было дожидаться, пока он меня отымеет как захочет и спокойно уйдёт за кордон? – в конце концов, я тоже имела право задавать вопросы.

– Да у баб одно на уме, – протянул Пустой. – Хотя насчёт покоя ты угадала. Как теперь отписываться будем? Ты чуть не угробила нового водителя заместителя коменданта по разведке подполковника Парамонова...

– Вот чёрт, значит нарушитель учебный... – промямлила я упавшим голосом. – А какого же тогда хрена... – и тут я произнесла такой монолог, что даже Дик деликатно опустил морду. Воспроизводить его здесь я не буду по вполне понятным причинам.

Выговорившись вволю и немного придя в себя, я села в сторонке и безучастно наблюдала сначала за тем, как Лавр вызывал вертолёт, потом за тем, как учебному нарушителю, едрить его через колено, оказывали первую медицинскую помощь, ставили капельницу и уже под капельницей грузили в вертушку.

Из состояния полной прострации меня вывел Димка, который довольно энергично тряс меня за плечо и что-то кричал. Однако первые несколько секунд из-за грохота вертолётных лопастей я не могла разобрать что, а видела только его беззвучно шевелящиеся губы. Прошло, наверное, больше минуты, прежде чем до меня дошло сказанное им. Оказалось, что неприятности сегодняшнего дня не только не закончились, но, по-видимому, ещё только начинаются. В общем, несмотря на то, что в данный момент мне больше всего хотелось, чтобы меня оставили в покое, пришлось вставать с удобно насиженного места под ёлкой и судорожно соображать, в каком направлении нужно двигаться, чтобы побыстрее добраться до первого участка. Что побудило его сработать в столь не подходящее время, сказать очень трудно. Но размышлять на эту тему было некогда. Пинком подняв развалившегося под соседней сосной Дика, я рванула в сторону озера. Ярость бушевала во мне, и я бежала, не разбирая дороги, намереваясь как можно быстрее преодолеть несколько сот метров, отделявшие нас от этого скверного места.

Я выскочила на песчаный берег и сразу поняла, что на острове идёт настоящий бой. От берега было далеко, но всё же были чётко различимы автоматные очереди и чётко видны вспышки и дым от разрывов ручных гранат. Я так резко остановилась, что сзади на меня налетел Пустой.

– Лаврушин, срочно связь с соседней заставой. Что у них там происходит? Если бой ведут они, срочно выясни диспозицию сил. И постоянно будь на связи. Вперёд!

Мы уже пробежали по мосткам почти половину расстояния до острова, как вдруг Дик, бежавший впереди, почему-то резко метнулся в сторону и прыгнул прямо в воду. При этом он дёрнул поводок с такой силой, что я чуть ли не кувырком полетела следом. Причины его столь странного поведения я поняла сразу, как только вынырнула. Место на деревянных мостках, где секунду назад находились мы, вдруг покрылось трещинами и топорщилось во все стороны свежими щепками, а со стороны острова продолжали отчётливо слышаться автоматные очереди. Выругавшись в полный голос, я стала соображать, что делать дальше. Ситуация складывалась безвыходная. В мостки, равно как и в воду, продолжали с воем вбиваться пули, осыпая кусками древесины и брызгами мою несчастную голову, торчащую из воды. В такой ситуации попытаться вылезти на доски было бы явным самоубийством. Пришлось остаться в воде.

Собака продолжала отчаянно грести всеми лапами к острову, но я крепко держала её за поводок. Дик быстро выдыхался, и стало ясно как день, что если буду удерживать его и дальше, то он неминуемо утонет.

Помимо всего прочего, болтаясь посреди озера, мы представляли собой отличную мишень. И я с дрогнувшим сердцем отпустила поводок. Дик, почувствовав свободу, сразу набрал крейсерскую скорость и стал быстро приближаться к острову. Пули продолжали сыпаться вокруг него как горох. Я же, в свою очередь, ничего не могла предпринять, так как мой автомат уже покоился на дне озера. Хотя стрелять в таком положении всё равно невозможно, так как одновременно со стрельбой приходилось бы осуществлять целый комплекс телодвижений, чтобы удержаться на плаву. Между тем Дик стремительно приближался к острову. Я видела, как он выбрался на берег, отряхнулся и бросился вверх по скалам, прямо к тому месту, где в расщелине вспыхивали многочисленные огоньки выстрелов. Не знаю, поверите вы или нет, но я моментально вспотела, несмотря на ледяную воду и мокрую одежду, которая тяжелой гирей тянула меня на дно. Дик был обречён. Справиться сразу с несколькими прикурками, вооружёнными автоматическим оружием, при всей его безрассудной храбрости он, конечно же, не мог. Краем глаза я увидела, как к противоположному берегу подкатил ГАЗ-66 с резервом, и сразу маленькие жёлто-зелёные фигурки пограничников рассредоточились по всему берегу озера. Однако нам они ничем помочь не могли. Слишком уж далеко они были от нас, а мостки, этот единственный путь к острову, продолжали прекрасно простреливаться. Я уже было отчаялась, как вдруг со стороны нашего берега послышался громкий хлопок, и граната, выпущенная кем-то из ручного гранатомёта, оставляя за собой белый шлейф дыма, врезалась в скалы чуть ниже того места, с которого по нам вёлся огонь. Раздался оглушительный взрыв, вокруг меня градом посыпались камни. Я зажмурилась, чтобы не видеть последних секунд жизни своего четвероногого друга. А когда открыла глаза, то поняла, что вокруг наступила тишина. Выбравшись на мостки, я опрометью бросилась к острову. Там я и обнаружила Дика, слегка оглушённого, ошалевшего, но абсолютно невредимого.

Оказывается, стрельба велась с той самой каменной платформы, которую мы ещё вчера обнаружили с Лавром и облюбовали как место для «секрета». Теперь там лежали в живописных позах три трупа в нацистской форме, два – в гражданских спортивных костюмах, возле которых валялось два пистолета Макарова, несколько помятых немецких противогазных бачков да россыпи стреляных гильз, на первый взгляд, пистолетных. Как потом выяснилось, большинство из них – от старого доброго немецкого «шмайсера» или вернее МР 40. Почему доброго? Да потому, что он предназначен для ближнего боя и из него практически невозможно вести прицельный огонь по живой силе противника, находящейся на отдалении более ста метров. И будь у моих оппонентов автоматы Калашникова, у которых прицельная дальность не в пример больше, покروшили бы нас с Диком в мелкий винегрет. Граната, выпущенная, как оказалось, лично начальником заставы, попала прямо в скалу чуть ниже уровня платформы. Досталось и той огромной сосне: её здорово посеколо осколками, и теперь из ран на стволе дерева обильно сочилась янтарная смола. Как ни странно, но на острове опять не было ни души. Опять сантиметр за сантиметром была обследована вся поверхность острова, но – тщетно. След Дикю взять не удалось, так как воздух вокруг был насыщен кисловатыми запахами сгоревшего пороха и горячего металла, исходящими от великого множества стреляных гильз, валявшихся повсюду. Дик только метался по острову и жалобно поскуливал. На что он намекал, я лично так и не поняла.

9

Вечером, как водится, был разбор полётов. Боевой расчёт проводил сам начальник штаба пограничного отряда подполковник Гостев. Вообще-то, между собой все называли его «каменный гость». Славился он тем, что приезжая с проверками, никогда не шёл никому навстречу и с завидным рвением строчил вышестоящему начальству рапорта обо всех выявленных недостатках. Естественно, мало кому он нравился, и скорее его больше боялись, чем уважали. Но в принципиальности и беспристрастности по отношению к личному составу ему было не отказать. Поговаривали также, что раньше он был полковником, но ещё в Афганистане, якобы за большие боевые потери личного состава во вверенной ему манёвренной группе, его понизили в звании. Но что бы про него ни говорили, лично мне он нравился.

Против всех ожиданий, боевой расчёт прошёл вполне спокойно. Выступление подполковника Гостева сводилось, в общем, к необходимости высоко и с честью нести звание советского пограничника и к прочим банальностям, которые уже всем без исключения набили оскомину. Повывив таким образом нашу бдительность, он пригласил командиров отделений в канцелярию, как стало понятно – на «ковёр».

Когда все собрались, сразу перешёл к делу.

– Довожу до вашего сведения, что на первом участке и, соответственно, на острове сегодня целый день работала специальная группа следователей КГБ из Ленинграда. Выводы, к которым они пришли, сразу скажу, для вас не утешительны и сводятся к следующему, – начал совещание начальник штаба. – Сегодня на участке вашей заставы был совершён прорыв в сторону государственной границы СССР целой группой вооружённых автоматическим оружием нарушителей. Предположительно состоящей из семи человек. Цели и способ пересечения границы не установлены. Как, впрочем, они ушли у вас из-под носа, тоже неизвестно. На месте боя обнаружены три трупа в форме солдат Третьего Рейха, брошенные немецкие автоматы времён Второй Мировой, около пятисот стреляных гильз. Два трупа – в гражданской одежде. Скорее всего, погибшие бандиты были членами одной из неофашистских организаций, несколько из которых активно действуют на территории Финляндии. Не исключено также, что попытка перехода государственной границы предпринята членами так называемого «Союза бывших участников войны». Непонятно только, почему они выбрали такое странное место для выяснения отношений?

После чего он сразу перешёл на личности:

– Мне интересно будет послушать, как вы, товарищ капитан, выставляли заслоны, если сквозь них, минуя огневой контакт, спокойно вышли незамеченными несколько человек? Докатались! В пограничной полосе, на участке, отдельно отмечу, отличной заставы, орудуют, как у себя дома, вооружённые до зубов бандиты! Больше и говорить нечего! Так что не надейтесь, тщательнейшей проверки не избежать. А вас, товарищ капитан, предупреждаю, что в данный момент решается вопрос о вашем неполном служебном соответствии занимаемой должности.

– Товарищ подполковник, разрешите доложить? Вам лично, – попросил Пустой.

– Хорошо. Все свободны, – отпустил, а вернее, просто выгнал всех из кабинета Гостев.

Я сидела на закопчённой кухне питомника и размышляла над последними событиями: «Всё очень странно. Во-первых, как нас могли засечь на острове позавчера? Никак! Значит, о том, что мы появимся на острове, знали заранее. Но кто, кроме моего дорогого начальства, мог об этом знать? Стоп. Пустого можно отбросить. Лично для меня он вне подозрений. Интересно, докладывал ли он кому-нибудь о том, что ночь мы проведём на острове? Предположим, Пустой доложил, как положено, подполковнику Парамонову. А тот, в свою очередь, ещё кому-то. И где-то в этой цепочке и произошла утечка информации. Но каким образом? Для того,

чтобы сведения попали на ту сторону границы, должна существовать и быть хорошо отлажена целая шпионская сеть. Нет, чего-то меня не туда понесло. Всё, – подумала я, – началась шпиономания... Но зачем тогда были нужны сигнальные ракеты? И потом, выпущены-то они были с территории Финляндии. Если бы Парамонов предупредил бандитов о наряде на острове, то сделал бы это ещё днём. А может, просто хотели создать видимость того, что запеленговали наш выход в эфир? И таким образом прикрыли кого-то, кто поставляет лицам, крайне заинтересованным в этом, информацию о передвижении нарядов? И главное, что они не поделили до такой степени? Скорее всего, и те и другие столкнулись внезапно, никак не ожидая, что кто-то ещё может быть на острове. Чёрт, тут без ста грамм явно не разберёшься. Так, теперь подумаем над событиями сегодняшнего дня. Учебный нарушитель. Очень уж странно себя вёл. Я ведь могла запросто его расстрелять. И имела на это полное право. Нет, определённо он вёл себя, как полоумный. Никогда не поверю, что он стал так выпендриваться перед стволом автомата по собственной инициативе. Он ведь не мог знать, что я утопила патроны. Зато то, что по инструкции я имела полное право применить оружие, он знал наверняка. Если, конечно, действуя таким образом, он не решил свести счёты с жизнью. Водитель-то он, кстати, – парамоновский. Да, пожалуй, кроме самого заместителя коменданта по разведке подполковника Парамонова, никто не мог ничего подобного приказать его водителю. Тут нужно посоветоваться с Пустым. Теперь насчёт подземного хода. Видимо, всё-таки он существует. Через наши заслоны пройти невозможно. Значит, нарушители, палившие по мне из автоматов, ушли единственным возможным путём – под землёй. Но опять-таки, лаз мы так и не нашли. А что, если ход открывается каким-нибудь хитроумным механизмом? Или чем-то типа «Сезам, откройся!». Нет, тут очевидно лишь одно – на острове хрен чего отыщешь. Если даже энкэвэдэшники в своё время не нашли. А уж они-то искать, судя по всему, умели. Стоп! А может, попробовать найти вход в замке Хродвальда? Там-то он тоже должен быть, если, конечно, вся эта легенда о рыцаре – не полная туфта. И к чему, собственно, весь этот маскарад с немецкой формой? Полный бред!»

На питомнике задребезжали стёкла, а это был верный признак того, что вертолёт подполковника Гостева наконец оторвался от нашей грешной земли. Значит, очень трудный для капитана Пустого разговор закончился...

– Разрешите войти? – спросила я, заглянув в канцелярию.

– Заходи, – ответил начальник тихим голосом откуда-то из-за облака табачного дыма.

Да, накурено было страшно. Я чуть ли не на ощупь нашла стул и присела на краешек. Помолчали.

– Значится так, Наташка. Поговорили, в общем, по душам. Неплохой мужик этот Гостев. Сама понимаешь, чтобы хоть как-то оправдаться, мне пришлось доложить о существовании подземного хода. Хотя не думал я, что он поверит. Поверил. Мало того – обещал помочь. В том смысле, что попробовать поднять архивы НКВД сорокового года, через друзей, конечно. А он, если сказал, то сделает. Я ведь его ещё по Афгану знаю. Несправедливо обошлись тогда с мужиком. Можно сказать, насрали в душу...

– Я слышала что-то.

– Вот именно, – неожиданно зло сказал Пустой, – что-то! А мне, да и всем нам, этот случай, можно сказать, жизнь перевернул... Готовили мы тогда ликвидацию банды «духов», засевших в одном высокогорном кишлаке. Причём, численность их превышала, по данным разведки, тысячу человек. Вооружены, суки, по последнему слову. Но в общем порешили так. Наша маневренная группа под командованием Гостева выставит заслоны и будет подниматься вверх «по зелёнке», всё больше сжимая кольцо окружения. А сверху прямо на кишлак сбросят десантников. Ракетами нельзя было, там около двухсот наших пленных удерживалось. Сказано – сделано. И попали мы, я тебе скажу, в настоящий ад. Короче, наши десантники задержались с вылетом. Причём, ни мало ни много – на три часа. Ты представляешь, что такое лезть по горам вверх под ураганным пулеметным огнём? Так и карабкались. А когда уже ворвались в кишлак

и почти всех «духов» перемочили, с неба посыпались наши доблестные голубые береты. Пленных, конечно, не спасли. А когда подвели итоги, то их полковнику – золотую звезду, мать его за ногу, ну а Гостеву – одну звезду с погон долой. Ещё бы, у нас пятьдесят пять человек убитыми и ранеными, а у десантников – семеро, – закончил Пустой.

Опять помолчали. Да и чего тут было говорить? Как-то мерзко и пусто стало на душе после такого рассказа.

– Ладно, вот ещё что. Не комитетский это коридор, Гостев уверен. Сказал, что не знает, удастся ему что-нибудь узнать или нет, но посоветовал ничего не предпринимать до его приезда.

– А когда он обещал подъехать?

– Дня через два. Я попросил его ещё захватить, если получится, из отряда книги службы за последние лет пять. Там ведь фиксировались все сработки сигнализационной системы и, соответственно, их причины. Посмотрим, не проявлял ли подобную активность этот участок и раньше, – сказал начальник и, устало посмотрев на часы, присвистнул. – Ёлки-палки, уже десять утра! Давай-ка отправляться баиньки.

– Товарищ капитан, разрешите сегодня собачкам след кинуть. А то давно уже в спокойной обстановке они не работали. Я возьму помощником сержанта Лаврушина?

Естественно никакой следовой работой я заниматься не собиралась. Просто подумала, что пришло время посетить развалины такого знаменитого замка.

– Добро. Только всё время будьте на связи. И чтоб без фокусов!

Понятно? И смотрите у меня с Лаврушиным, детей не наделайте.

Я кокетливо дёрнула плечиком и, поскольку начальник после своих слов покраснел как рак, поспешила откланяться. Так как и без того времени на сон оставалось в обрез.

10

Примерно в четырнадцать ноль-ноль я с трудом продрала глаза и, пошатываясь, побрела к умывальнику. Было такое ощущение, что я не спала вовсе. Однако после водных процедур мне немного полегчало.

Пора было будить Лавра. Это, прямо скажу, оказалось нелегко. Димка никак не мог сообразить, какого лешего мне приспичило в такую рань тренировать собак. Когда я всё-таки сумела втолковать Лавру, что от него хочу, он моментально проснулся и, широко открыв от ужаса глаза, сел на кровати.

– Ты что – больная? – с жалостью глядя на меня, поинтересовался Лавр.

– Я лично хочу вернуться домой живым, меня в Москве Светка ждёт. Потом, подумав, зачем-то добавил:

– А не ждёт, так и чёрт с ней! Всё равно я ещё молодой, меня ещё девушки любить будут. А ты тащишь меня на какую-то гать, сама же знаешь, что там мин полно, – продолжал канючить Лаврушин.

В конце концов мне всё это надоело и я рявкнула:

– Жду тебя на питомнике через десять минут!

Лишившись единственного слушателя, Димка тяжело вздохнул и, продолжая бубнить себе под нос что-то типа: «Наберут тут, по объявлению, разных психов. Никакого житья от них нет!» – начал покорно одеваться.

Примерно через час мы были уже на месте. «Нет, всё-таки мрачное место эта гать», – подумала я, глядя на полусгнившие кругляки брёвен и пузыри зловонных болотных газов, вырывающихся из недр трясины справа и слева от нас. Казалось, солнечный свет вообще никогда не проникал сквозь густые лапы вековых елей, растущих здесь. А целые тучи комаров мгновенно облепили нас, не желая допускать в своё царство тьмы. Да, видать сильно любил свою жену Хродвальд, раз поселился ради неё в таком жутком месте.

Чтобы случайно не наступить на какую-нибудь покрытую мхом и забытую здесь со времён войны мину, мы решили пустить вперёд на коротком поводке Дика. Он, вообще, был у меня универсальный пёс. Не знаю, поверите ли, но он и в самом деле интуитивно чувствовал металл на довольно большом расстоянии. Дик шёл первым, за ним шествовала я, ну а за мной маленькими шажками пробирался Лавр. Я объяснила Димке, что желательно идти за мной след в след и ни в коем случае не отвлекаться на пустые разговоры. Что он и старался делать изо всех сил, смешно семеня ногами. Худо-бедно, но за полчаса мы преодолели почти половину пути. Не бог весть какое достижение, но хоть я и хорохорилась перед Лавром, на самом деле у меня самой так тряслись поджилки, что было трудно дышать. Представляю, что творилось с моим другом. Но оглядываться назад я не решалась, боясь спугнуть Лавра и следуя элементарному инстинкту самосохранения. Вскоре, как я и ожидала, Лавр как бы между делом осведомился, не слишком ли я устала, и предложил сделать привал. Мы отыскивали крепкое бревно и присели перевести дух.

– Единственное, что меня успокаивает, – с некоторым пафосом произнёс Дима, извлекая из необъятных карманов банку сгущёнки, – так это то, что в это время года уже не должно быть змей.

– Да, только имей в виду, что здесь могут встретиться более опасные гады.

– Смотри, Наташка, в случае чего в моей героической гибели повинна будешь ты.

– Я-то здесь при чём? Никто тебя сюда не тащил. Сам пошёл. Признайся, что мечтал об этом всю свою сознательную жизнь. И потом, чего ты так беспокоишься, у тебя же просто беспрюграмный вариант. Или ты находишь сокровища Хродвальда, или, в крайнем случае, твоим именем назовут пограничную заставу. Представляешь, как будет гордиться твоя Светка?

– Тыфу ты чёрт, типун тебе на язык. Сама подумай, на кой чёрт я Светкедохлый. Живого дождалась бы. Дик, посмотри, твоя хозяйка окончательно сбрендилa. Несёт какую-то чепуху.

– Ладно, давай быстрее доедай свою сгущёнку и пошли. А то на этот раз Пустой нас точно поймёт...

Мы стояли, затаив дыхание, и смотрели на каменную махину разрушенного замка. Крепостные стены практически не уцелели под натиском времени. То там то здесь в огромные проломы, как будто сделанные древними стенобитными орудиями, просматривалась окончательно заросшая иван-чаем территория замка. Работы, судя по всему, здесь было непочатый край. Пробираясь по заваленному обломками камней двору, я с тоской думала о том, что отыскать подземный ход здесь – наверное, всё равно что искать иголку в стоге сена. Пришлось полностью положиться на собаку. Недолго думая, я дала Дик у команду: «Ищи!» Он посмотрел на меня, видимо ожидая пояснений и, не дождавшись, покорно углубился в заросли. Честно говоря, я думала, что овчарка поведёт нас к самому зданию замка, однако, как выяснилось, я ошибалась. Дик оказался чрезвычайно сообразительным псом. Он по диагонали пересёк всю территорию и, не взглянув даже на сам замок, подбежал к чудом уцелевшей башенке и начал рыть землю. Отогнав собаку, за дело взялись мы. Лавр начисто забыл о цели нашего здесь пребывания, что следовало из его восклицаний. Им, видимо, полностью овладела золотая лихорадка. Вскоре нашему взору открылся провал в земле. Я попросила Лавра подержать меня за ноги и просунув свою грешную голову в дыру, посветила фонарём. Сомнений не осталось. Вниз уходила лестница.

– Димка, нашли! – возопила я, начисто забыв о конспирации.

– Наташ, надеюсь, ты не собираешься туда спускаться? – от его энтузиазма не осталось и следа.

– Именно это я и собираюсь сделать! Ты что, хочешь остановиться на полпути?

– Да нет. Я думаю, что нужно доложить Пустому, а уж потом принимать решение, что делать дальше, – и вдруг ни с того ни с сего ляпнул. – А вдруг там немцы?

– Не смей меня! Какие немцы? Через пятьдесят лет после войны? И вообще, при чём здесь немцы? (Если бы я только знала тогда, насколько мой друг близок к истине!) А докладывать не будем, – твёрдо сказала я, – ни за что! Пустой наверняка сразу сообщит в отряд. Сюда понаедут всякие спецы и, как это обычно бывает, ничего не найдя, завалят этот вход.

– Ну и чёрт с ним.

– А как тогда мы узнаем, куда он ведёт? Ведь может существовать ещё один или даже несколько входов. Таким образом, мы никогда не узнаем, как неизвестные попадали на остров и... – тут я сделала эффектную паузу, – уже точно не найдём несметные сокровища Хродвальда.

Кажется, последний аргумент подействовал, и мой напарник почти сдался.

– Хорошо, чёрт с тобой. Только вперёд пустим Дика, вдруг там тоже заминировано?

– Ну уж нет. Дика мы оставим здесь.

– Это ещё почему?

– Да потому, что я ему не враг. В подземелье за столько лет могли скопиться опасные газы и, если это так, то собака сразу задохнётся.

– Ага, а ты хочешь, чтобы задохнулись мы.

– Ни хрена с нами не случится. Обычно эти газы тяжелее воздуха. Если это тебе о чём-нибудь говорит.

– Ни о чём мне это не говорит. Либо пускай вперёд собаку, или я не сдвинусь с места.

– Димка, если там скопился сероводород, а он стелется по земле, то его уровень от силы будет доходить нам до колена. А на уровне головы будет нормальный воздух, вполне пригодный для дыхания. Собака же не может идти впереди нас на задних лапах. Дурья ты башка!

– Ну ладно, уговорила.

– Дик, охраняй! – приказала я и начала осторожно спускаться вниз по ступеням.

Пылища здесь была невероятная. Ход был выложен из довольно больших гранитных блоков, которые поднимались вверх, образуя сводчатый потолок. Спуск кончился, и мы ступили на абсолютно гладкий пол. Сверившись с компасом, я знаком позвала Лавра и сказала:

– Ну вот, видишь, ход идёт чётко в сторону озера, прямо по направлению к острову.

– В таком случае, может, вернёмся? Мы всё узнали, чего тебе ещё нужно. А то мне, честно говоря, как-то не по себе.

– Мне самой страшно, – призналась я и пошла вперёд, знаком позвав за собой Лавра, – и поднимай повыше ноги, а то мы задохнёмся не от сероводорода, а от пыли.

Лавр что-то пробурчал в ответ, но я его уже не слушала. Мной овладело ни с чем не сравнимое чувство азарта. А червячок страха, шевелясь где-то внутри меня, приятно щекотал нервы.

Мы шли уже довольно долго. Ход несколько раз поворачивал в сторону и, что характерно, каждый раз в другом направлении. Но всё равно, судя по компасу, мы продолжали двигаться в сторону озера. Правда, лично мне стало понятно, что, продолжая идти в том же направлении, на остров не попасть. Мы очень круто забирали в сторону границы. Ход продолжал оставаться сухим, несмотря на то что у нас над головой уже давно было непроходимое болото. Вентиляция воздуха также была превосходной. Было гораздо свежее, чем на поверхности. «Надо же, – думала я, – а как же со всякого рода ловушками, которыми, судя по книжкам, просто обязан изобиловать каждый, хоть немного уважающий себя, средневековый подземный ход?» И тут же пожалела.

Лавр не успел даже толком вскрикнуть. А я, почувствовав, что пол стремительно уходит из-под моих ног, оттолкнулась от ускользающей опоры. И уже распластавшись на каменных плитах, услышала, как за моей спиной с металлическим лязгом обрушилось что-то большое и тяжёлое. К сожалению, мои самые нехорошие подозрения оправдались. Даже сверх того. Приблизившись к месту трагедии и ощупав его, я поняла, что яма (в которой, конечно же, находился Лавр) стремительно наполняется водой. Вытащить его я была не в силах, так как к этому моменту зияющее прямо в полу отверстие оказалось надёжно закрыто упавшей сверху кованой решёткой. Прибывающая с огромной скоростью вода бурлила и редела. Я почувствовала, как вспотела моя спина, но, увы, мой благородный порыв броситься на помощь другу вдребезги разбивался о суровую действительность. А именно, при падении я лишилась единственного источника света и не видела ни хрена.

Учитывая то, что до способностей летучей мыши мне было далеко, я попробовала двигаться на ощупь. Внезапно рёв воды прекратился, и наступила гробовая тишина. Я похолодела. Димка не издавал ни звука.

– Лавр! – позвала я. – Лавр!

– Да здесь я, дай немного отдышаться.

Я опустила руку сквозь решётку и почти сразу почувствовала, как она погрузилась в холодную воду.

– Давай вытаскивай меня быстрее. Вода просто ледяная. Я так долго не продержусь.

– Ты можешь встать на ноги? Какая там глубина? – спросила я почти шёпотом.

– Метра три не меньше. О чёрт, я, кажется, утопил свой автомат!

– Да хрен с ним, с твоим автоматом. Держись за эту чёртову решетку. Я сейчас что-нибудь придумаю. Только постарайся не утонуть до моего возвращения.

– Ты что, собираешься оставить меня здесь одного? – спросил Лавр, и голос его предательски дрогнул.

– Ну-ну, Димон, держи хвост пистолетом. Я мигом, – сказала я, стараясь придать своему голосу хоть немного уверенности.

Должна сказать, что я не представляла себе, что можно предпринять в такой ситуации. Но делать было нечего, кроме как со всех ног броситься бежать к выходу из подземелья. Мною владело единственное желание – вновь обрести хоть какой-нибудь источник света. А поскольку нашим двум фонарям, судя по всему, пришёл конец, то единственная надежда оставалась на моего пса. Вернее, на то устройство, которое на овчарке было надето. Устройство это называлось «Голиаф» и служило для поиска собаки в темноте. А именно, подавало световой сигнал маленькой красной лампочкой, противно при этом пищая. Крепилось оно вместе с аккумулятором к шлейке собаки, и вследствие его редкого применения была надежда, что аккумулятора хватит часа на два работы. Как я добиралась до выхода – отдельная история, закончившаяся, к счастью, благополучно. Буквально сорвав с ошалевшего от такой беспардонности Дика шлейку и опять рывкнув «Охранять!», я устремилась вниз. Сбежав по уже знакомым ступенькам и включив сигнальное устройство, я громко выругалась. Оно давало света не больше, чем зажжённая в крошечной темноте спичка. Но всё-таки это было лучше, чем ничего. Оставалось добраться до Лавра и попытаться открыть эту чёртову решётку, поджидавшую нас здесь не одно столетие. Вероятно, у подземного хода было ещё одно ответвление, не замеченное нами раньше. И учитывая наше потрясающее «везение», я свернула совсем не туда, куда было нужно. Сначала, конечно, меня ничто не настораживало. Но когда я увидела в красных проблесках «Голиафа» стройные ряды деревянных ящиков, то остановилась в недоумении. Поняв, что заблудилась, я хотела уже было вернуться на исходную позицию, чтобы начать путь к Лавру снова, но вдруг явственно услышала немецкую речь. В недоумении я остановилась. Прислушавшись, медленным шагом двинулась прямо на звук. Впереди подземный ход делал поворот, и я, осторожно передёрнув затвор автомата и повесив его на плечо, поочерёдно стала приоткрывать крышки верхнего ряда ящиков. К моему удивлению, они оказались доверху заполненными патронами, гранатами и консервами. Почти отовсюду с ящиков на меня хищно смотрели намалёванные белой краской орлы, сжимающие в когтях свастику. Уже собираясь осторожно опустить крышку последнего ящика, я вдруг с ужасом ощутила на своём плече чьё-то прикосновение. Резко повернувшись, я встретилась глазами с человеком. Маленького роста фигурка во всём белом смотрела на меня, прижимая указательный палец к губам, и я вдруг поняла, что передо мною женщина. Она проворно ухватила меня за плечо и с неожиданной для такого хрупкого телосложения силой толкнула за ближайший штабель ящиков.

– Группа погибла, – она сразу приняла меня за свою. – Немцы за тем поворотом, – она указала стволом автомата ППШ влево. – Меня зовут Таня.

Сказать, что я была ошарашена, – значит не сказать ничего. Не каждый день встречаешься с призраком. Уже через мгновение стало понятно, что незнакомка тоже облачена в маскхалат. Хорошо, что с утра сыпал редкий сухой, как сахар, снежок, и мы на службу вышли в белых маскхалатах. И поскольку одеты мы были практически одинаково, мой вид не вызвал у Тани никаких вопросов. Вот только автомат. Но в темноте она, скорее всего, не обратила внимание на то, что на плече у меня висело оружие неизвестной ей конструкции. Присмотревшись, я увидела мерцающие желтоватые огни, прыгающие по каменным стенам штрека.

– Halt! – внезапный окрик стеганул, как хлыст, заставив меня буквально вжаться в холодную стену. И сразу на тишину подземелья обрушился грохот автоматной очереди.

На меня напал ступор, мысли спутались, и я, как во сне и будто со стороны, увидела, что тёмный продолговатый предмет вылетел из-за угла и, ударившись о каменный пол, с деревянным стуком покатился мне под ноги.

Граната-«колотушка» на длинной ручке, подпрыгивая, приближалась. Татьяна ловко подхватила её и, широко размахнувшись, бросила обратно. Потом замерла на месте с поднятой после броска рукой и вдруг медленно осела на камни. Я сорвала с плеча автомат, дала в сторону немцев длинную очередь, заметив, как в отблесках огня две тёмные фигуры кулём повалились и исчезли в темноте. Я схватила Татьяну за руки и оттащила за ящики, не обра-

щая внимания на пули, которые с противным визгом впивались в доски, выбивая из них длинные щепки, а некоторые, попадая в металлическую окантовку, зелёными и красными свечками взмывали вверх к каменным сводам и пропадали в извилистом лабиринте ходов. Перевернув Татьяну на спину, я сразу почувствовала что-то горячее и липкое под руками. Весь маскхалат на животе разведчицы набух, пропитавшись кровью. Татьяна на мгновение очнулась и, глядя на меня широко открытыми от боли глазами, прошептала:

– Уходи, я задержу их. Передай Колесникову. Все погибли. Рация разбита. Объект очень важен. Всё. Уходи, – и отвернувшись от меня, как будто меня уже здесь не было, подтянула к себе подсумок с гранатами, дала в сторону немцев скупую очередь.

Я, как во сне, опираясь на стены руками и натываясь на углы, как слепой котёнок, стала пробираться среди нагромождения ящиков и свернула в боковой ход. Нужно было срочно помочь Лавру, а потом вернуться. Обязательно вернуться. Эта мысль засела у меня в голове, как раскалённая стальная игла.

Однако стоило мне свернуть в боковой проход, как грохот боя позади меня внезапно стих и я услышала то, что вернуло меня к действительности:

– Чёрт тебя подери, где тебя носит? Я чуть дух не испустил в этой проклятой яме, а она где-то прохлаждается! – сразу набросился на меня Лавр.

– Заткнись, – прорычала я и начала нащупывать защёлки, удерживающие решётку в горизонтальном положении. Их оказалось две. Подложив под них по гранате и выдернув чеки, я рывкнула Лавру: «Ныряй!» И убедившись, что Димка выполнил мою команду, отпустила рычаги гранат. Через мгновение я уже лежала на животе, прикрыв руками голову, за поворотом метров в пяти от ямы, а ещё через несколько секунд раздалось последовательно два взрыва. Как только вой осколков эхом прокатился у меня над головой и затих в тёмных коридорах подземелья, я встала и, отряхнувшись от пыли, с удивлением заметила, что освобождённая решётка со скрежетом сама поползла вверх и приняла вертикальное положение у стены. Вытащив мокрого и дрожащего от холода Лавра, я потратила ещё минут пятнадцать на то, чтобы отговорить его от затеи остаться здесь и понырять в поисках его автомата. Сокрушаясь о том, что теперь за утрату личного оружия ему не сносить головы, Лавр грустно поплёлся к выходу. Признаться, я тоже от всего этого еле волочила ноги. Поднявшись на поверхность и вздохнув полной грудью, я почувствовала себя значительно лучше и, похлопав напарника по спине, сказала:

– Когда я ушла, ты что-нибудь слышал? – и глядя в удивлённые Димкины глаза, успокоилась, махнула рукой. – Ну, вы тут с Диком пока покурите. А я спущусь ещё на пару минут и вернусь. И не забудьте выходить на связь с заставой, а то на этот раз капитан точно нам нахлопает по заднице. Да, вот ещё что. Не вздумай сказать по рации, что мы нашли лаз в подземный ход. А то нас тут похоронят к чёртовой матери. Безо всяких почестей. И пикнуть не успеем.

– Нет. Всё-таки ты – чокнутая! – услышала я за спиной возглас Лавра, уже спускаясь в плотную тьму средневекового подземелья.

Зачем я спустилась снова? Наверное, тогда я и сама не знала. В том, что Татьяна погибла, сомнений не было, а вот нарваться на немцев вполне было реально. Но я должна была попытаться хоть как-то помочь разведчице. Или, по крайней мере разобраться во всём сама. Это и тянуло меня вниз. Ход делал ещё один поворот и опять раздваивался. Я решила пройти более широким проходом. Поднеся компас к самому носу и убедившись окончательно, что двигаюсь чётко в сторону границы, я прибавила шаг. Внезапно передо мной выросла стена. Ход явно кончился. Место боя как сквозь землю провалилось! Чертовщина какая-то! Хотя, скорее всего, я опять свернула не туда. Доверяя больше рукам, чем неверным бликам «Голиафа», тщательно ощупала каждый сантиметр тупика и, развернувшись, бросилась обратно. Поплутав по лабиринту и убедившись, что кругом стоит абсолютная тишина, а место боя мистическим образом испарилось, я вдруг опять упёрлась в тупик и с ужасом поняла, что заблудилась. Снова миллиметр за миллиметром ощупала каменную кладку и представьте себе – нашла! Слева от

меня виднелась довольно широкая щель, позволяющая, пусть с трудом, но протиснуться в неё. Что и пришлось сделать, пожертвовав при этом несколькими пуговицами. Тут мне показалось, что сверху вроде как пробивается слабый свет, да и пыль опять начала забиваться в нос. Всё говорило о том, что выход близок. Только куда он выведет этот выход? Я рванула вперёд и тут же пожалела об этом. Видимо, я зацепилась ногой за ступеньку лестницы, ведущей наверх. И, соответственно, упала, ободрав руки и подвернув ногу. Наконец я поднялась настолько, что смогла дотянуться до проржавевшего металлического люка, закрывавшего вход. Поднявшись ещё чуть выше, я с удивлением должна была констатировать, что люком этим пользовались в последний раз очень давно. Возможно, аж с моего собственного рождения, а то и раньше. Я упёрлась в люк, руками пытаюсь вытолкнуть его наружу, однако он даже не шелохнулся. А что, если этот люк заперт на замок снаружи? Тогда мне его не открыть. Я стала спускаться обратно вниз по лестнице, при каждом шаге опираясь на гранитную стену справа от меня. Спустилась почти до конца, как моя рука, внезапно не найдя опоры, провалилась куда-то внутрь стены. Я еле удержалась на ногах. И даже не успела испугаться, как сверху на меня хлынул солнечный свет!

Я подняла голову и увидела, что люк, всего несколько минут назад надёжно закрывавший выход из подземного хода, – исчез! Как только глаза немного привыкли к яркому свету, я стала подниматься и вскоре вылезла наружу. И оказалась посреди большой поляны, поросшей высокой, но уже жухлой травой. Вокруг возвышался смешанный лес с явным преобладанием сосен. Понимая в душе, что пора возвращаться, я всё-таки упрямо пошла к тому месту, где сквозь деревья виднелся явный просвет. Выглянула из леса, и прямо перед мной раскинулось широкое поле на котором стоял небольшой, но очень красивый дом, возле которого копошились какие-то люди. Повернув голову в другую сторону, я увидела то, что внутренне никак не была готова увидеть. А именно – пограничные столбы. Причём финские пограничные столбы были ко мне явно ближе. В данной ситуации не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить – я оказалась на территории Финляндии! Надо было сматываться и побыстрее. Ноги сами понесли меня в обратном направлении, и в считанные секунды я оказалась в центре поляны. То, что я увидела там, заставило меня похолодеть. Лаза под землю не было... Я опустилась на колени и принялась, судорожно хватая вмиг пересохшим ртом воздух, шарить в траве. Правда, с каждым мгновением убеждаясь, что люк каким-то непостижимым образом закрылся и я оказалась в ловушке. Причём в ловушке гораздо более опасной, чем та, в которую недавно попал Лавр. Проклиная всё на свете, я ползала на коленях по поляне и молила только об одном, чтобы нелёгкая не занесла на эту поляну кого-нибудь из местных или ещё хуже – финский пограничный наряд. Вскоре стало ясно, что все мои усилия отыскать ход бесполезны, и я даже немного успокоилась. Трезво оценив ситуацию, поняла, что не всё так плохо. На крайняк, можно попробовать пересечь границу в обратном направлении по поверхности. Мысль о том, какие неожиданности могут подстергать в этом случае, вновь заставила меня содрогнуться. Нужно было попробовать сосредоточиться и спокойно всё обдумать. Я доползла до большого плоского камня и уселась на его прогретую солнцем поверхность. Хотела было достать сигареты, как вдруг услышала иностранную речь. Причём совсем рядом. Не надо, я думаю, говорить о том, что самым моим горячим желанием было провалиться сквозь землю. Но поскольку это было так же невозможно, как и оказаться на Луне, пришлось вжаться как можно сильнее в камень. Через несколько минут всё стихло. Выждав ещё минут сорок, я ящерицей подползла к опушке леса и стала наблюдать за линией границы. Оставалось дожидаться пограничного наряда и, пропустив его, прошмыгнуть обратно на территорию СССР. Ждать пришлось недолго...

Первое, что я услышала, благополучно добравшись до замка, – так это возмущённый голос Лаврушина, который горячо объяснял Дику, какая кретинка его хозяйка...

– Лавр, – воскликнула я, видя, какой натюрморт собирается оставить после себя Лаврушин, – ты что, не соображаешь? Ты не на пикнике. И вообще, если хочешь жить, то подбери все окурки и консервные банки, и валим на заставу.

– Уже в пути, – без особого энтузиазма согласился Лавр и, скрупулёзно уничтожив все следы нашего пребывания в этом квадрате, «рысью» побежал за мной.

Конечно, начальник не погладил нас по головке за столь длительное отсутствие. Но, по крайней мере, терпеливо выслушал наш совершенно детский лепет про то, как Дик сбился со следа и мне пришлось плутать битых три часа в поисках учебного нарушителя. То есть Лаврушина. Конечно, капитан не поверил ни одному нашему слову, но не показал виду. Это, понятное дело, меня устраивало как нельзя лучше. По крайней мере, больше не пришлось ничего сочинять, но стало совершенно ясно, что Пустой всерьёз озабочен и ему просто не до нас.

11

Мы сидели в столовой и черпали огромным половником вишнёвый компот из алюминиевого бидона, когда в дверях появился Костик Фугасов. Надо сказать, что Костик был довольно незаурядной личностью. При всей своей невзрачной внешности, действительно чем-то напоминающей фугас, он обладал поистине божественным музыкальным даром. Всё своё свободное время он не расставался с гитарой и постоянно что-то сочинял. Правда, до недавнего времени его репертуар составляли песни, посвящённые исключительно несчастной любви. И это не удивительно, так как его любимая Юлия полгода назад вышла замуж. Прострадав ровно два дня, Костик нашёл другой объект для обожания. Этим объектом оказалась Наташа, с которой он познакомился на станции Болотной, будучи там по служебным делам. Сейчас их роман достиг апогея, а посему имя Юлия не встречалось более в музыкальных произведениях Костики. И хотя Костик казался вполне счастливым, основная направленность его песен почему-то оставалась прежней.

Я припоминаю случай, когда, оставшись ответственной по заставе на ночь, я получила по телефону от начальника разнос за якобы громкую музыку. И напрасно я пыталась толковать Пустому, что магнитофон я и не думала включать. Он продолжал утверждать, что у него в домике от грохота музыки дребезжат стекла, а я, по его мнению, самая бессовестная лгунья, которую ему приходилось встречать. Вероятно, мы бы препирались таким образом ещё долго, если бы дежурный по заставе не крикнул мне:

– Товарищ сержант, да это Фугасов в умывальнике поёт...

Ох уж эти творческие личности с их потребностью постоянно испытывать чувство влюблённости. Не знаю, как другие поэты и музыканты, а Костик в моменты приступа любви был абсолютно неуправляем. Вот и сейчас я была уверена: Фугасов зашёл в столовую совсем не для того, чтобы пожелать нам приятного аппетита. Наверняка, опять договорился со своей Наташкой о встрече и будет просить прикрыть его отсутствие на заставе часик-другой.

– Приятного аппетита! – весело сказал Костик.

– Спасибо, – ответила я, чуть не поперхнувшись от неожиданности. Вот ведь как бывает. Грешишь на человека, а он бац и исправился!

– Наташ, можно тебя на минутку? – позвал Костик, корча при этом уморительные гримасы.

– Иду, – отозвалась я. Судя по всему, Костик и не думал перевоспитываться. И вся его любезность, конечно, – не что иное, как военная хитрость.

Когда я вышла из столовой, Фугасов неожиданно схватил меня за рукав и потащил по направлению к сушилке. Я поняла, что сопротивляться бесполезно и безропотно последовала за ним.

– Слушай, – заговорщически начал Фугасов, – вчера я был в самоволке, ну к Наташке ходил на станцию...

– Как, опять! Слушай, ты уже заколебал. Попадёшься же, придурок. В дисбат загремишь.

– Да подожди ты! Сейчас не об этом. Знаешь аварийную стоянку для фур около моста? Так вот, Наташка рассказала, что позавчера...

– Позавчера? – я нахмурила лоб, пытаюсь вычленив позавчерашний день из череды всех остальных, но ничего не получалось.

– Ну помнишь, учебного нарушителя ты чуть не угробила, а потом вас с Диком ещё на озере обстреляли? – пришёл мне на помощь Костик. – Ну, шухер ещё был...

– Ну помню. Такое не скоро забудешь.

– Так вот, в тот самый день Наташка с девчонками шла в клуб как раз мимо этой стоянки и увидела, что там стоит фура «Совтрансавто». В общем, девчонки пошли дальше, а Наташка

отошла в кусты по своим делам и только успела снять трусики, как сквозь ветки увидела, что водитель фуры сорвал пломбы с прицепа. Потом из автомашины выволокли два больших и, судя по всему, тяжёлых ящика и потащили в лес, естественно, в сторону границы. Прошли от Наташки буквально в двух шагах. Представляешь? Прямо перед таможней.

– А потом?

– А потом, снова опломбировали прицеп, сели, завелись и преспокойно поехали в сторону таможни. Наташка, понятное дело, рассказала отцу.

Тот позвонил на таможню, но оказалось, что эта автомашина уже успела оформить все документы и пересечь государственную границу. Естественно, те, кто фуру досматривал, утверждают, что всё было в порядке и ничего подозрительного они не заметили. Мы с Наташкой, само собой, сегодня сходили в лес, ну посмотреть. Да только не нашли ничего. Следов, правда, много, по мху хорошо видно. Но ведь там станция рядом. Мало ли кто наследил.

– Послушай, Костик, а ведь стоянка эта практически напротив озера... С километр, наверное, если напрямки через лес. Да, дела. Постой, а откуда Наташка может так уверенно утверждать, что водитель именно срывал пломбы?

– Да у неё отец на таможне всю жизнь проработал. Да и она с малых лет на границе. Кому, как не ей, знать, что пломбы снимают и ставят только на таможне и только при таможенном досмотре. Мне кажется, надо с собачками там пошуровать.

– Ладно, спасибо. Только больше никому ни слова. Пустому я сама доложу. А насчёт собачек... У меня к тебе вопрос. Скажи мне на милость, какого лешего вас туда сегодня понесло, а? Надо было сразу собачек. Ведь вы, редиски, всё уже там затоптали. Следопыты, мать вашу!

– Да мы далеко не ходили. Так, вдоль дороги немного посмотрели и всё, – то ли обиделся, то ли смутился Костик.

– Что, совместили приятное с полезным? Ладно, чего уж теперь, – сказала я и, весело подмигнув Костику, отправилась к начальнику.

Однако капитана на месте не оказалось, он уехал в отряд на совещание, а замполиту я ничего сказать не успела. Едва я зашла к нему в кабинет, как у меня за спиной раздались вой тревожной сирены и истошный вопль дежурного по заставе:

– Застава, в ружьё!

Уже в машине я узнала подробности происшедшего. Оказывается, двое каких-то уродов обкололись настолько, что страх потеряли вовсе. Уж не знаю, на что они рассчитывали, но, поняв всю тщетность попыток незаметно ускользнуть за границу, они не придумали ничего лучшего, как захватить автобус с пассажирами. Как бы там ни было, этот самый автобус с заложниками в данный момент мчался на всех парах к станции Болотной.

Поскольку задача наша была предельно ясна и не отличалась оригинальностью, мы с Лавром расположились аккуратно на скамеечке, привинченной к автобусной остановке. Причём форма одежды у нас была следующая: я – в цветастой блузке местного покроя и откровенной мини-юбке; Димон – в линиялой футболке и потёртых джинсах, и как завершающая деталь – кеды на босу ногу. Под лавкой расположился Дик. Правда, из-за его габаритов я его туда еле впихнула. Впрочем, из-под скамейки торчала всего одна здоровенная лапа, и, по нашему мнению, ничто не должно было насторожить наших гостей. В общем, обычная деревенская парочка. Покурили. Минут через пятнадцать появился захваченный автобус. Старый и разболтанный «Львов» начал притормаживать и завершил своё победное шествие в страну Суоми полной остановкой прямо перед нами. Окутав нас при этом облаком пыли и выхлопных газов. Двигаться дальше, к конечной остановке, предусмотренной маршрутом номер пять, он не мог по причине того, что неширокий, в две полосы, мост, через который шла дорога напрямком за границу, был заботливо перегорожен нашей заставской «шишигой». Так между собой мы любовно называли ГАЗ-66. Брошенная Лаврушиным пустая банка из-под сгущёнки и мой бычок одновременно достигли заплёванной урны. В руках, как по волшебству, появи-

лись автоматы. Ждать пришлось недолго. Передняя дверь со скрипом открылась, и нашему взору предстали два молодых человека и девушка лет восемнадцати. Молодые люди, судя по их лихорадочно блестящим глазам и мешкам под глазами, были измучены отнюдь не «нарзаном». Девушка, к горлу которой был приставлен нож, как вы понимаете, выглядела не намного лучше. Мы, не торопясь, приподнялись со скамеечки и стали ждать, что будет дальше. Террорист, удерживающий девушку, подтолкнул её вперёд и, не опуская ножа, выдвинул первое требование:

– Уберите грузовик с моста. Я убью её. Клянусь аллахом! Бросай автомат!

– Да ради бога, дарагой! – ответила я, и как можно более непринуждённо улыбнулась. – Панимаешь, дарагой, – продолжала издеваться я, – она мне не сестра и даже не знакомая. А вот ты, сука, сейчас у меня кровью умоешься.

Данное заявление привело террористов в замешательство, и пока они не опомнились и не наделали глупостей, следовало развивать успех. Я сбросила с плеча автомат и от живота веером дала длинную очередь прямо у них над головой. Как учили – впритирочку. Ребятки оказались жидковаты. Мгновенно забыв про заложницу и выпустив из рук ножи, они рухнули на колени и через секунду на их руках защёлкнулись наручники.

– Ну Наташка, молоток, надо же, даже Дик не понадобился, – услышала я голос замполита, опускаясь на скамейку и пытаясь унять дрожь в ногах. – Как ты их сделала! Просто блеск.

12

Пустой вернулся из отряда весь какой-то взъерошенный и злой. Не поздоровавшись с дежурным по заставе, что было на него не похоже, сразу прошёл в канцелярию и по селектору пригласил к себе сержантский состав.

– Как вы знаете, – начал капитан, когда собрались все, кто был свободен от службы, – наша застава находится на сложном в оперативном плане участке государственной границы. То есть на ННВДНГ (направлении наиболее вероятного движения нарушителя границы). Так вот, по сведениям, поступившим от Комитета государственной безопасности СССР, завтра утром с двух до пяти часов ожидается нарушение Государственной границы СССР членами одной из неофашистских организаций, действующих на сопредельной территории, в составе от пяти до восьми человек. Численность нарушителей госграницы, естественно, может варьироваться самым нежелательным для нас образом. Место нарушения – тоже. Как вы все понимаете, возможны провокации, а также ложные сработки сигнализационной системы по всему участку заставы, имеющие целью отвлечь наше внимание от основной группы нарушителей. Через полчаса к нам прибудет группа следователей из Ленинграда, а также группа документирования. При любых эксцессах, могущих возникнуть в ходе несения службы, сохранять спокойствие. При возникновении огневого контакта с нарушителями госграницы один из них в обязательном порядке должен быть взят живым, в состоянии, позволяющем ему давать показания. Кстати, в Ленинграде пришли к выводу, что недавнее боестолкновение на острове – из той же оперы. С минуты на минуту прибудут приданные силы из отряда. Службу будем организовывать следующим образом: сержанты Ростова и Лаврушин – первый участок, гать, ручей Чёрный, сержанты...

Дальше я начальника уже не слушала. В голове вертелась только одна мысль: «Вдруг непрошенные гости воспользуются подземным ходом?»

Тогда все наши заслоны – для них полная фигня. И они окажутся именно там, где им нужно, и совершенно неожиданно для нас. А что, собственно, мы знаем про этот ход? Да практически ничего...»

– Свободны, – отпустил всех Пустой. – Сержант Ростова и сержант Лаврушин останьтесь.

– Ну, давайте кумекать. Что у нас с подземным ходом? Только начистоту, – предупредил начальник.

– Товарищ капитан, разрешите доложить, – начала я. – Подземный ход существует. Имеются входы в развалинах замка Хродвальда, на территории Финляндии метрах в трёхстах от линии государственной границы, как раз напротив нашего погранзнака №... Далее, на острове и, наконец, где-то недалеко от станции Болотной. О других событиях я благоразумно промолчала.

– Конкретнее по поводу станции.

– Товарищ капитан, точнее не знаю. Но то, что не далее двухсот метров, это точно. Ориентир – аварийная стоянка большегрузного автотранспорта около моста, сто пятьдесят-двести метров от него в сторону границы. В общем, с тыловой стороны сигнализационной системы. Но эти сведения неточные, Наташка Костику Фугасову сказала, – доложила я и осеклась.

– Так, – зловеще проговорил Пустой. – Опять Наташка? – начальник наклонился к селектору:

– Младший сержант Фугасов, зайдите в канцелярию.

– Разрешите войти? – приоткрыв дверь и просунув в образовавшуюся щель голову, спросил «певец несчастной любви».

– Заходи, заходи, Дон Жуан. Так что там напела твоя новая пассия про стоянку у моста?

И Костику пришлось всё рассказать. Что он и сделал, кидая на меня укоризненные, если не сказать больше, взгляды.

– Вы хоть соображаете, что говорите? Это ведь означает, что они могут преодолеть сигнализационную систему под землёй, – вскипел начальник, когда Костик закончил повествование.

– Так точно.

– Почему сразу не доложил?

– Вы были в отряде.

– Ах, меня не было на месте! И потом, ты когда-нибудь этими своими самоволками подведёшь нас всех под монастырь! Видимо, придётся воздействовать на тебя другими способами, раз ты человеческих слов не понимаешь. Свободен!

– А насчёт стоянки... Поставим там секрет. На всякий случай, – сказал Пустой, когда Фугасов вышел.

– Но мы хотели...

– Я повторяться не буду. Ваш – первый участок, а также гать, ручей Чёрный. Всё ясно?

– Так точно! Разрешите идти?

– Все свободны, – сказал Пустой, склонившись над картой.

13

Мы расположились с правой стороны ручья, где у основания старого мостика, сложенного в незапамятные времена по финской традиции из гранитных блоков, росли два огромных куста бузины. Заметить нас среди их разлапистых ветвей было абсолютно невозможно, а сам мост служил прекрасным прикрытием на случай перестрелки. Ярко светила луна, лента ручья тихо несла на себе жёлтые кленовые листья, казавшиеся на иссиня-чёрном фоне золотыми. Прошло около двух часов, разговаривать было нельзя да и, честно говоря, не хотелось. Я начала уже дремать, как вдруг почувствовала, что Дик поднял морду и едва слышно заворчал. Пнув ногой сопевшего рядом Лавра, я протёрла глаза и увидела на мосту... красавицу лису. Она не шла, а скорее плыла, вся преисполненная собственной красоты. Огромный хвост переливался в лунном свете серебром. А лапы грациозно ступали по поверхности моста. Вдруг ночной хищник приостановился и, бесшумно метнувшись в сторону, исчез в темноте. Это был уже тревожный признак. Слабый ночной ветерок дул со стороны моста в нашу сторону, следовательно, лиса нас почуять не могла. А значит, хищник слышал кого-то ещё. Я невольно сжала руками автомат и сделала знак Лавру приготовиться. Однако почти сразу же из чащи леса, с той стороны, где исчезла лиса, послышались хлопанье крыльев и крик. Вскоре всё стихло.

– Футы, чёрт, а я уж было подумал, что началось, – шёпотом проговорил Лавр.

– Не каркай. И вообще поменьше думай, а больше слушай. Вон птичка тоже, видимо, много думала да, как говорится, в суп попала.

– А чего мне-то слушать? А Дик на что? Уж он точно не проспит.

– И на старуху бывает проруха. Два уха хорошо, а шесть лучше, – ляпнула я и тут же пожалела, перехватив недовольный взгляд Дика, который красноречиво свидетельствовал об убеждённости нашего пса в том, что уж от нас с Лавром толку в «секрете» как от козла молока.

– Естественный отбор, – задумчиво проговорил Лавр, укладываясь поудобней.

– Это ты о чём?

– О птичке, о чём же ещё, – еле внятно пробормотал Лавр.

– Лавр, хорош спать. Сколько там натикало?

– Без пятнадцати три. Радиостанция молчит, значит, не объявились ещё.

– Кстати, не забудь – через четверть часа связь с заставой, заодно уточнишь обстановку.

– Ладно, – буркнул в ответ Лаврушин. – Наташ, а расскажи мне какой-нибудь сон.

– Какой сон? – не поняла я.

– Ну ты же сама говорила, помнишь, что, как надела медальон, так и видишь постоянно сны про рыцарей.

– Ладно, слушай.

«Шла весна одна тысяча двести сорок четвертого года. Плотный туман опустился с гор и окутал катарский замок Монсегюр. Уже год многочисленная армия крестоносцев из северной Франции продолжала осаду. В осаждённой крепости закончились запасы провизии и воды. Противостоять далее было невозможно. Сдача крепости была назначена на первое марта. То есть на рассвете завтрашнего дня.

– Сэр Раймон, – обратился один из «посвящённых» катаров к хозяину замка, – нам, как воздух, необходимо перемирие, хотя бы на две недели. Именно столько времени займёт изготовление секретной карты. Кузнецы говорят, что раньше никак не успеть.

– Хорошо, позови ко мне Кретьена.

«Посвящённый» тенью скользнул из комнаты хозяина замка вниз по лестнице донжона – большой многоярусной башни. Пересёк огромную комнату, где раньше хранились припасы – зерно, солёная и копчёная рыба, сушёные фрукты и овощи, запасы вина. И хотя от них не осталось и следа, в воздухе всё ещё витал запах копчёностей. Он был так силен, что у голод-

ного защитника замка свело желудок. И он невольно прибавил шаг. Спустившись в подвал, он крикнул в глубину подземелья, тускло освещённого факелами:

– Сэра Кретьена к сэру Раймону!

– Доблестный сэра Кретьен, – обратился хозяин к прибывшему, – завтра утром мы сдаём замок неприятелю. Но нам необходимо перемирие хотя бы на две недели. Ты знаешь зачем. Утром возьмёшь из темницы трёх пленённых тобой крестоносцев и в знак доброй воли передашь их этим псам, которые уже воют в предвкушении добычи под стенами замка Монсегюр. Я знаю, ты не умеешь просить, но во имя того, чтобы Святая Чаша стала наследием наших детей, проси перемирия, будь хитрым, как лис, заклинаю тебя, доблестный рыцарь. А теперь ступай.

Утром следующего дня перемирие было заключено. В кузнице замка день и ночь трудились кузнецы. К вечеру шестнадцатого марта три меча с искусно нанесёнными на клинках узорами, которые на самом деле представляли собой части секретной карты, и надписью на рукоятях «Rex mundi» были готовы.

Сэр Раймон внимательно посмотрел на четырёх стоящих перед ним людей. Все они были проверенные и преданные делу рыцари. В этот предрассветный час он передавал в руки этих людей самую святую тайну. Вручив троим из них по тяжёлому мечу, сэра Раймон снял с шеи золотой мальтийский крест и, вложив его в широкую ладонь Кретьена, тихо произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.